

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

БЕРЕГИТЕ СОЛНЦЕ

АЛЕКСАНДР
АНДРЕЕВ

В сводках не сообщалось...

Александр Андреев

Берегите солнце

«ВЕЧЕ»

1975

Андреев А. Д.

Берегите солнце / А. Д. Андреев — «ВЕЧЕ», 1975 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8531-2

В романе «Берегите солнце» известного писателя и сценариста Александра Дмитриевича Андреева (1915–1975) прослежена дальнейшая судьба героев его военной повести «Очень хочется жить». С большой художественной силой изображена победоносная битва под Москвой, окончившаяся гибелью многих из них. Но каждый ее участник мог бы сказать словами капитана Ракитина: «Люди, я завещаю вам мою любовь и мою преданность Отечеству – большего богатства у меня не было».

ISBN 978-5-4484-8531-2

© Андреев А. Д., 1975

© ВЕЧЕ, 1975

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Дмитриевич Андреев

Берегите солнце

*Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот он стал взрослым...*

С. Есенин

© Андреев А.Д., наследники, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Глава первая

1

Когда я открывал глаза, на белом потолке тотчас возникали машины. Они с ревом опрокидывались на меня, казалось, еще мгновение – и я буду смят. Я метался, крича от ужаса; звал на помощь, но кругом было пусто; пытался бежать – ноги подламывались. И я упирался грудью в тупые морды танков и плакал от бессилия. А боль в правом плече острой строчкой прожигала насквозь...

И в ту же минуту я слышал тихую мольбу.

– Господи! Нельзя вам двигаться. Лягте. Вас никто не тронет. Вы в госпитале. Ну вспомните же...

Я ощущал, как к моему лбу прикасалась рука, и впадал в забытие. Сон смыкался надо мной, как вода после брошенного в нее камня. Я отсыпался за все страшные ночи, проведенные в смоленских лесах и оврагах.

Сегодня я вновь услышал знакомый голос.

– Бродит, вскакивает... Сейчас спит.

– Пускай спит. Вставать не позволяйте.

Потом через некоторое время робко зазвучала песня. Пели ломкие и нежные голоса... Я с усилием поднял налитые усталостью веки.

Мальчики и девочки лет по семи-восемь сбились в пугливую стайку посреди палаты и пели, изумленно озираясь на раненых.

Перед ними недвижно сидел на койке человек с забинтованной головой; на белой марле – лишь прорези для глаз и рта. Сбоку – юноша с рукой в гипсе, а у окна – пожилой боец с небритым подбородком; нога бойца была поднята чуть выше спинки кровати...

Дети пели неслаженно: раненые рассеивали их внимание, да и песню тяжело было поднять неокрепшим голосам. Им петь бы про елочку, родившуюся в лесу, они же ломко выводили суровый солдатский гимн: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идет война народная, священная война!»

Вдруг вспомнилась Нина, и тут же я ощутил удар по сердцу такой силы, что вскинулся на койке и закричал:

– Где она?!

Сестра бросилась ко мне, надела на плечо.

– Тише. Лежите спокойно. Ну, пожалуйста... – Она чуть не плакала.

Я упал на подушку, и песня ребятишек стала уплывать куда-то все дальше и дальше, пока не замерла совсем, точно тихо истлела. Вновь начался бред, долгий и изнурительный...

Госпиталь помещался в здании института близ Красных ворот. Палаты-аудитории, коридоры и даже вестибюли были тесно заставлены железными койками. Вместе с медсестрами за ранеными ухаживали работницы какой-то фабрики, студентки и школьницы. Просыпаясь, я часто видел перед собой одно и то же лицо, обсыпанное мелкими веснушками, круглое, с большими испуганными глазами; глаза напоминали окошки, распахнутые в голубое небо; к концу дежурства лицо делалось бледным и веснушки на нем проступали резче, а небесная голубизна сумеречно густела. Девушку звали Дуней.

Окреп я как-то сразу. Силы, подобно отхлынувшей волне, вернулись снова и сладко кружили голову. А струна в груди звенела певуче, с щемящей радостью: «Я в Москве, я живой, уже здоровый. Уцелел!..»

Левой рукой я нацарапал записку и попросил Дуню отнести на Таганку; если не застанет сестру Тоню, соседка наверняка окажется дома...

Перед окном палаты раскинулся клен. Текучее рыжее пламя клена засасывало взгляд до ломоты в висках. И все время на огненном фоне листьев маячила приподнятая вверх пухлая от бинтов нога бойца. Боец протяжно и со стоном вздыхал...

Ночью и утром шел дождь, ветреный, косой, и клен погас, листья его побурели и обвисли. В палате сразу стало необыкновенно тихо. И в эту тишину вдруг ворвался накаленный и в то же время сдержанный голос диктора: «Воздушная тревога!» Затем тоскливо взвились гудки, сирены...

Мы много раз, и ночью и днем, слышали и этот как бы хлещущий по самому сердцу голос, и эти завывания сирен. Вражеские самолеты подбирались к сплетению железных дорог, к вокзалам, и наше здание тряслось от близких взрывов.

Раненые палату не покинули: привыкли к тревогам. Лишь юноша, поддерживая закованную в гипс руку, остановился в дверях и вопросительно оглянулся на красноармейца с подвешенной ногой. Юноша сильно, до синевы побледнел, и все заметили, что брови у него яркие, золотисто-рыжие, и пушок на верхней губе тоже золотистый, а подбородок чуть вздрагивал...

– Иди, иди, – подбодрил его боец, – целее будешь!..

Юноша вернулся, сел на койку и зажмурился, точно сирены нестерпимо сверлили ему душу.

Из коридоров донеслись исположенные возгласы сестер, жесткий стук костылей...

Пришла на дежурство Дуня, тоненькая, в выстиранном халате, наклонилась ко мне.

– Записку передала. Маму вашу видела. Она помертвела вся, когда я сказала, что вы в госпитале. Села, прикрыла глаза и стала что-то шептать, должно быть, молитву... – Дуня улыбнулась. – Все они смешные, матери... Расспрашивала про вас. А что я могу сказать? Все про себя рассказывают, а вы вот молчите... Все думаете...

– Спасибо, Дуня. – Я тихонько погладил ей пальцы. «Зачем мать вернулась из деревни? – думал я. – Как удалось ей попасть сюда в такое время?»

А после обеда в дремотной тишине палаты, нарушаемой сонным бормотанием, вскриками раненых и всхлипыванием дождя за окном, я услышал властный вопрос:

– Где он?

Я повернул голову. Тоня стремительно подошла и опустилась на колени.

– У тебя нет руки? – Судорожным движением она ощупала меня, нашла прикрытую одеялом забинтованную руку и простонала с облегчением: – Вот она, вот! Цела... Я подумала, у тебя нет руки, когда увидела чужой почерк. Ох, Митя!.. – опять простонала она и ткнулась лбом в мой лоб – так мы делали в детстве. – Митя, Андрей убит.

Здоровой рукой я приподнял Тонино лицо.

– Откуда ты узнала?

– Тимофей рассказал. Под Гомелем. Направил горящий самолет в цистерны с горючим. Взорвался. Тимофей видел, как Андрей взорвался... Я знала, что он погибнет. Еще до войны знала, еще когда замуж выходила, знала: счастье наше недолгое.

Я молча и внимательно рассматривал сестру. Изменилась Тонька. Исчезла прежняя ленивая и женственная ее повадка, серо-зеленые глаза в тяжелых дремотных веках сделались огромными на исхудавшем лице, возле рта залегли заметные черточки. Когда-то она с усилием сдерживала беспричинный – от довольства жизнью – смех, теперь же каждую минуту готова была расплакаться...

Тоня провела ладонью по моей небритой щеке, принужденно улыбнулась.

– Мама так рада, что ты жив, что возле нее. По дому не ходит, а летает. Светится вся. Сколько тебе лежать еще?

– Скоро выпишусь.

Тоня поднялась с колен и присела на краешек койки.

– От Никиты Доброва узнала, что вы были вместе. И Нина с вами...

– Мы с ней поженились, – сказал я.

Глаза ее налились слезами.

– Хорошо, – прошептала она. – Время только... не для счастья... Мне пора, милый, я в госпитале дежурю... Институт наш скоро выезжает на восток... – Тоня вынула из сумки «Комсомольскую правду». – Тут статья Сани Кочевого. Он часто приезжает с фронта, заходит к нам. Вчера был... Наша квартира стала прямо пересыльным пунктом: люди приезжают, уезжают – бойцы, командиры. Кто они, откуда, куда – не знаем. Мама возится с ними: варит им кашу, укладывает на полу спать... Лейтенант один каждый день приходит. Владимир. Я знаю, почему он приходит, – из-за меня... Глаза сумасшедшие, никогда не мигают. Красивый и печальный... Два раза был Чертыханов...

– Когда был Чертыханов? – поспешно спросил я. – Где он сейчас?

– Тоже в госпитале. А в каком, не сказал. Тебя ищет. Так тебя расписывал, какой ты бесстрашный и умный, что у мамы коленки дрожали от страха. По всему видать, плут порядочный... Мы с ним дров напилили. Мешок муки маме принес, наверно, стащил где-нибудь...

– Если он еще раз появится, спроси, где находится, и объясни, в каком госпитале я. Обязательно.

– Скажу.

– Ирина Тайнинская не заходила?

– Нет. Между прочим, с институтом я не поеду, – заявила Тоня. – Я знаю, что мне делать теперь. – Она еще раз коснулась пальцами моей щеки, встала и направилась к выходу, высокая и стройная.

Развернув газету, я сразу увидел статью Кочевого.

«В трудный час мы живем и воюем, – писал Саня. – Горит и стонет земля. От севера до юга идет на ней бой, неслыханный, чудовищный, кровавый бой на истребление. Для многих из нас бой уже не новость, но всякий раз он – большое испытание. Страшно в двадцать три года умирать, но еще страшнее в двадцать три года жить под немцем.

Невыносимо тяжело нам в эти дни. Но мы точно знаем: отгремит канонада, рассеется в воздухе фашистский смрад, очистится небо от дыма. С какой же гордостью пройдем мы тогда по отвоеванной земле, как радостно встретят нас родные края!.. Старые яблони склонят к нам свои ветви и протянут плоды. Улыбнется и пожмет нам руки суровый Ленинград. Любимая Москва поднесет нам лучшие в мире цветы. Белые хаты Украины настежь раскроют перед нами двери. Древние вершины Кавказа поклонятся нам седой головой, и весна Победы нежно поцелует нас в небритые щеки...»

Я был обрадован фанатической верой и яростью этого мирного человека. Немцы рвутся к Москве, железная пятерня сдавливает горло страны, а он пишет о поцелуях Победы-весны. Сколько будет пролито крови, положено жизней, оборвано возвышенных мечтаний, прежде чем вершины Кавказа поклонятся победителям!.. Но на войне без веры в победу жить невозможно: тогда или сдавайся на милость победителя, или погибай.

2

Через день после того, как с моих шрамов и рубцов были сняты последние повязки, меня вызвали к главному врачу: старик любил давать напутствия каждому возвращающемуся в строй.

Прощай, госпиталь, спасибо тебе за тишину, за ласковые, исцеляющие руки!..

Я скатился по лестницам на первый этаж и шумно ворвался в кабинет. Вместо врача меня встретили два незнакомых человека: капитан в щегольской форме, в хромовых, зеркаль-

ного блеска сапогах и старший лейтенант, уже немолодой, широколицый и лысый. Они провели меня в маленькую комнатку рядом с кабинетом главврача. Там лысый опустился за стол, а лощеный капитан бочком сел на подоконник. Оба долго и с подозрительной пытливостью разглядывали меня. Капитан чему-то улыбался, сверкая золотым зубом в углу рта.

– Слушаю вас, – сказал я.

– Не торопитесь, – сказал капитан, – мы вас долго не задержим. Всего несколько вопросов.

– Слушаю, – повторил я, наблюдая, как лысый раскладывал перед собой листы бумаги, чтобы начать записывать.

– Вы Ракитин Дмитрий Александрович? – спросил он.

– Правильно.

Старший лейтенант записал, затем кивнул капитану.

– Вы пошли на фронт добровольцем? – вновь спросил капитан.

– Да.

– После курсов лейтенантов были направлены в двадцать шестой стрелковый полк на должность командира роты?

– Да.

– Долго вы командовали ротой?

– Всего один день. После первого же боя нам пришлось отойти.

Два человека наблюдали за мной с какими-то затаенными мыслями, и я под этими взглядами чувствовал непонятное беспокойство, мысли неслись торопливо, восстанавливая в памяти каждый мой шаг.

– Вы отошли в составе батальона, полка?

– Нет, с батальоном, а тем более с полком, связь была прервана.

– Значит, решение отступать вы приняли самостоятельно?

– Из батальона прибыл связной и передал устный приказ отступать. Простите, а почему вас все это так интересует? Кто вы?

Старший лейтенант оторвался от бумаги, достал из кармана удостоверение и показал мне. Только теперь осознал я, что это были за люди... Капитан, сидя на подоконнике, покачивал ногой в начищенном хромовом сапоге и улыбался, приоткрывая в улыбке золотой зуб.

– Это что же, допрос?

– Нет, просто уточнение некоторых фактов, – сказал капитан. – Пожалуйста, не волнуйтесь... Куда же вы отступали?

– На восток, естественно.

– С какой целью?

– Соединиться с другими подразделениями нашего полка и занять более выгодный для обороны рубеж.

– Соединились?

– Нет. Мы были задержаны группой генерала Градова на шоссе.

– Можете показать на карте, где именно? – Капитан кивнул старшему лейтенанту, тот поспешно развернул передо мной карту. Я быстро нашел и место нашего первого боя, и деревню Рогожку, где мы оставили раненого Клокова, и место встречи с генералом Градовым.

– Вот приблизительно здесь.

Капитан даже не взглянул на карту. Он не сводил с меня глаз.

– Что было дальше?

– В составе других разрозненных подразделений моя рота была брошена на оборону переправы через Днепр, чтобы дать возможность отступающим войскам перебраться на другой берег.

– Сколько времени вы были в обороне?

– Почти сутки.

– Потом?

– После того как наши войска прошли, мост был подожжен. Рота была уничтожена в боях с вражескими танками и пехотой. Большие потери понесли от налетов авиации.

Капитан сорвался с места. Он уже не улыбался.

– Что ты болтаешь?! Уничтожена! Красная армия не может быть уничтожена. Ты это запомни!

Старший лейтенант незаметно кивнул капитану, и тот, как бы опомнившись, вернулся к подоконнику, потер ладони: они, видимо, вспотели от внезапной вспышки гнева. Я сказал:

– Красная армия никогда не будет уничтожена, это верно. Но рота, которой я командовал, обороняя переправу, была почти полностью уничтожена.

Старший лейтенант старательно записывал, голая голова его маячила перед глазами. Капитан смотрел в окно, пальцы рук, заложенных за спину, то сжимались, то разжимались от сдержанного напряжения.

– А вы сами остались живы? – бросил он, не оборачиваясь.

– Как видите. Я был контужен и очнулся в воде. Связной помог переплыть реку.

– Вы оставались вдвоем со связным? – спросил капитан более спокойно.

– Нет. Переправились также политрук Щукин, старшина Свидлер...

Капитан, обернувшись, смерил меня взглядом.

– И вас не грызет совесть при мысли, что людей всех вы положили, а сами остались живыми?

– Что вы! Я был счастлив, что вышел из этого ада живым. Если бы вам довелось побывать там хоть полчаса, вы бы поняли, какое это счастье – выйти из боя живым! Из такого боя!

Капитан прервал меня:

– Дальше.

– Дальше мы узнали, что окружены вражескими войсками... В районе Смоленска.

Капитан внимательно посмотрел на меня и вдруг спросил:

– Каким образом к вам попало письмо обер-лейтенанта Биндинга?

– Оно у вас? – спросил я с искренней радостью. – Я думал, потерялось.

– Вы знаете, что там написано?

– Конечно. Я диктовал его сам. Это письмо я вручу жене обер-лейтенанта, когда войду в Берлин. Пусть она узнает, какой у нее был муж.

Ответ мой развеселил следователей. Старший лейтенант откинулся на спинку стула и хмыкнул, вытирая ладонью лысину. Капитан опять сел на подоконник и закачал ногой.

– Как скоро вы собираетесь там быть? – спросил он.

– Когда разобьем немцев.

– Не раньше?

– Нет!

Капитан повел бровью, и старший лейтенант достал из папки знакомый конверт, подал мне.

– Возьмите письмо. Кто может подтвердить все то, что вы нам рассказали?

– Политрук Щукин, полковник Казаринов, полковой комиссар Дубровин и многие другие...

Старший лейтенант записал.

– Где они сейчас?

– Не знаю.

В комнату вошел майор, и все мы встали. Это был немного грузный человек в пенсне, добрый и усталый; кровь как будто отлила от его лица, и щеки поражали неживой белизной. Грузное тело с массивными плечами было перетянато новенькими ремнями снаряжения; при

каждом движении ремни тихо поскрипывали. Он выразительно взглянул на капитана, словно спрашивая. Капитан улыбнулся, по-свойски похлопал рукой по моему плечу.

– Я думаю, на этого парня можно будет положиться, товарищ майор, – сказал он. – Разрешите идти? Всего доброго!..

Капитан и старший лейтенант вышли, и майор, подавая мне руку, назвал себя:

– Самарин.

Он сел за стол и взглядом указал мне на стул, пододвинул к себе тощую папку – должно быть, мое личное дело – и раскрыл ее.

– Как вы себя чувствуете, лейтенант? – спросил он утомленно и, казалось, безразлично.

– Отлично, товарищ майор, – ответил я, вставая.

– Сидите, сидите. Москву хорошо знаете?

– Так точно. Когда-то работал шофером, пришлось поехать по закоулкам...

Майор, раздумывая, полистал мое дело, затем снял пенсне и стал протирать стеклышки скрипучим от крахмальной белизны платком.

– Вы поступите в распоряжение генерал-лейтенанта Сергеева.

– Слушаюсь, – сказал я.

– Завтра в двенадцать часов явитесь ко мне в управление, я вас представлю генералу. – Он написал на листочке адрес управления и подал мне. – Направление получите в канцелярии госпиталя.

– Слушаюсь. Товарищ майор, разрешите побывать дома?

– Где вы живете?

– На Таганской площади.

– Разрешаю. Идите.

3

От Красных ворот до Таганской я спускался пешком. Город настороженно примолк. Над крышами зданий вздулись, покачиваясь, гигантские пузыри заградительных аэростатов. Метнулся ввысь еще неяркий луч прожектора, чуть колеблясь, потрепетал некоторое время и погас.

На площади возле Курского вокзала выстраивались в колонны красноармейцы, должно быть, прибывшие с эшелоном; слышались отрывистые и нетерпеливые слова команды; колонны двинулись вдоль Садового кольца.

Навстречу им беспорядочными рядами шли женщины в телогрейках, в валенках с калошами, в теплых платках; на плечах – лопаты и кирки. Подростки пытались запеть, но голоса их срывались и глохли.

Патрули проверяли документы, светя фонариками.

От Таганской площади, под гору, к Землянке гнали скот – коровы, овцы, свиньи. Глухой гул копыт катился вдоль улицы. Трамваи остановились: не могли пробиться сквозь стадо. Коровы мычали так, точно жаловались на свою горькую участь: город тянулся бесконечно долго, а идти по булыжным мостовым тяжело. У свиней от худобы и усталости хребты выгнулись, остро проступали крестцы... Отощавший от длинных перегонов скот на улицах Москвы, жалобное мычание животных, их покорность вызывали в сердце тоску и боль... Пожилая женщина, задержавшись, смотрела на коров и кончиком платка утирала слезы...

Стадо достигло перекрестка, когда взревели сирены воздушной тревоги. В разноголосый и щемящий вой, точно с разбега, ворвались частые и отрывистые залпы зенитных установок. Они находились где-то поблизости, и на тротуары, на железные кровли посыпались осколки снарядов. В загустевшем темнотой небе метались, то скрещиваясь, то расходясь, режущие глаз лучи; казалось, они были накалены яростью.

Из трамваев выпрыгивали люди, и дворники провожали их в бомбоубежища.

До моего дома оставалось несколько кварталов, но патруль задержал и меня.

– Товарищ лейтенант, пройдите в укрытие. Хотя бы в ворота... Вот сюда.

Я свернул в первый же двор.

Когда зенитки прерывали стрельбу, то слышно было, как гудели, кружась, выискивая в темноте Павелецкий вокзал, вражеские самолеты. От цели их отогнали, и они кидали бомбы куда попало. Одна из них просвистела, кажется, над самой головой. Вскоре ухнул взрыв, совсем близко, за углом. Затем второй, чуть дальше и глуше. Резкая вспышка осветила очертания примолкнувших зданий, черные провалы окон, и вскоре, разбухая над крышами, пополз вверх багровый дым.

Грохот всколыхнул мостовую. Из окон посыпались, звеня, стекла... Скот все шел и шел, тесня друг друга, скользя по булыжнику с уклона и напирая на передних, которым путь преградил трамвай с двумя прицепами. Одичало ревели коровы и, приподнимаясь на задние ноги, выдавливали рогами стекла в окнах вагонов...

Молоденькая шустрая женщина в клетчатом платке, сбившемся на затылок, рвалась из ворот. Бойцы патруля не пускали ее, и она, обессилев, заплакала от обиды.

– Что вы за бесчувственные такие! – крикнула она. – Разбежится скот, разве соберешь тогда. – И закричала подростку, который размахивал хворостиной над мордами коров: – Петя! Петя! Направо заворачивай, в проулок! Туда гони. Слышишь?!

Старший лейтенант спросил ее:

– Куда вы гоните скот?

– На шоссе Энтузиастов. Так велено...

Старший лейтенант кивнул сопровождавшим его бойцам.

– Помогите.

Бойцы тотчас скрылись за воротами.

В это время мимо нас пробежала перепуганная овца. Во дворе ее поймали ребяташки.

– Смотрите, овца! Папа, овца!..

И тотчас, словно ожидая этого сигнала, из двери низенького домишки неторопливо появился огромного роста детина в белой майке-безрукавке и в сапогах. Грузным и небрежным шагом он подошел к овечке, легко, точно кошку, взял ее под мышку и понес к деревянному сарайчику.

– Толя, нож! – кратко бросил он, не оборачиваясь. Один из мальчишек шмыгнул в дом.

Женщина, сопровождавшая скот, ухватила за заднюю ногу овцы.

– Ты куда ее понес, бесстыжая твоя харя! Это твоя овца? – Всю злость от собственного бессилия она обрушила на мужчину. Он коротким взмахом откинул ее с дороги.

– Отойди!

Женщина недоуменно развела руками.

– Что же это делается, люди добрые!..

Я окликнул здоровяка в майке-безрукавке.

– Эй, гражданин! – Он приостановился. – Отпустите овцу, – сказал я, подходя к нему. Он медленно обернулся ко мне. В память мою врезалась широкая рожа с тугими щеками, железный, точно спрессованный навечно ежик волос, голые, здоровьем налитые борцовские плечи и большие, немного отвислые груди.

– Пошел ты к черту! – с глухой яростью сказал он. – Все равно сдохнет в дороге. А тут жрать нечего...

Женщина удивилась:

– Смотрите на него! Жрать ему нечего... Да на тебе пахать можно, боров ты этакий!

Мальчишка, такой же толстоморденький, как отец, сунул ему в руку нож. Длинное лезвие слабо блеснуло в полумгле.

– Отпустите овцу, – повторил я и положил руку на кобуру пистолета.

Мужчина бросил овцу на землю. Она ткнулась узенькой мордой в осколок кирпича, вскочила и тихо потрусила со двора.

– Ну легче стало, победитель? – с кривой ухмылкой спросил меня мужчина и похлопал лезвием ножа о мясистую ладонь. И мне подумалось, что он в эту минуту с наслаждением всадил бы этот нож вместо овцы в меня. Я заметил, что глаз у него не было; вместо них на меня смотрели две глубокие черные дыры...

Тревога кончилась. За углом дымилось взорванное здание, рядом с ним горело второе, подожженное зажигательными бомбами. Доносились всплески колоколов пожарных машин. Пламя то никло, то опять оживало и набиралось сил. Скот, сопровождаемый женщинами и подростками, покорно и устало брел по улице, заворачивая за угол, на Ульяновскую, гурт за гуртом. К утру он вырвется из тесных объятий каменных ущелий на простор и вздохнет свободно...

На Таганской площади, темной и глухой, стояла сутолока. Как бы на ощупь прокрадывались трамваи с мертвыми окнами. Громыхая по булыжнику, неслись будто наугад грузовики с бойцами в кузовах, тащили за собой орудия. В полумгле безмолвными тенями двигались люди. Горячее дыхание близких боев чувствовалось здесь, на этом знакомом и бойком месте, еще резче и горше. Красноватые отблески пожаров усиливали тревогу.

Пожилой человек, стоявший у темной витрины магазина, произнес дребезжащим голосом, со всхлипом:

– Стронулась Россия...

Впервые в эти смертельные и безысходные дни так явственно прозвучало давно забытое слово «Россия». В каком благодатном и живительном источнике родилось оно, пленительное, звонкое и прекрасное – Россия! Оно вобрало в себя все людские печали, торжества и годы бедствий. Победы и слезы прошедших сражений, сыновья тоска и радость сердца, надежда на будущее – все в этом имени – Россия... Закаты и ливни, звон косы на рассвете, шелест березовых рощ и просторы от горизонта до горизонта, сладкий дымок очагов, зажженных на заре рукой матери, первая социалистическая революция, указавшая человечеству путь в грядущее, Ленин – все Россия.

Я завернул за угол на Коммунистическую улицу – и вот они, знакомые ворота. Через двор я бежал, спотыкаясь в темноте о камни. На лестнице перед дверью остановился перевести дух. Затем рванул дверь и вошел в кухню. Она была пуста. У самого потолка красновато теплилась крохотная лампочка. На столе шумел примус, над kloкочущим чайником весело подпрыгивала крышка – как прежде, в студенческие дни. Я привалился плечом к косяку и медленно расстегнул шинель. Прошлое с институтскими веселыми днями закатилось за тридевять земель безвозвратно.

Из комнаты вышла мать, худенькая, хлопотливая, с выступающими старческими плечами. Всплеснула руками – проглядела чайник. Я тихо позвал:

– Мама...

Она взглянула на меня из-под ладони, точно ей в глаза ударило солнце, не удивилась – знала, что приду. Шагнула ко мне, обрадованная и помолодевшая.

– Сыночек, – произнесла она одно лишь слово. Не знаю, есть ли у матери другое слово, такое же емкое и кровное, которое вмещало бы все ее существо: и счастье, и муки, и бессонные ночи, и любовь, и ни на минуту не покидающий страх за жизнь сына?.. Она взялась за отворот шинели, заглянула мне в глаза. – Сыночек, – повторила она, – вернулся... Под бомбежку не попал, когда шел домой? Никакого покоя нет от этого немца, летает и летает над нами...

Крышечка над кипящим чайником все подпрыгивала, из носика толчками, с хрипом выплескивалась вода. Я выключил примус, и крышечка, последний раз подпрыгнув, замерла.

– Зачем ты сюда приехала? – спросил я. – Немцы же у ворот.

Мать улыбнулась, не спуская взгляда с моего лица.

– Дурачок!.. Не боюсь я твоих немцев. Ты думаешь, в деревне мне жить легче? Умерла бы с горя. А тут вы рядом. – И она опять взялась руками за отворот моей шинели. Я осторожно положил руку на ее плечи и губами прижался к ее голове, к жиденьким седеющим прядкам. И как в детстве, что-то сосущее под ложечкой, сладкое пронизало меня насквозь. Мне захотелось рассказать ей, как часто я призывал ее на помощь, и она – это было не раз – являлась ко мне в самые страшные мгновения, когда смерть, казалось, была неминуема...

– Спасибо, мама, – прошептал я. – Спасибо... – Отстранившись от нее, я спросил: – Как тебя пропустили в Москву? В такое время!

– Да уж пропустили... Слово заколдованное знаю. Раздевайся, сынок. Сейчас ужинать будем. Там, в комнате, лейтенант один, Тонин знакомый. И Прокофий был, твой товарищ.

– Где он сейчас?

– Как только узнал, что ты придешь домой, куда-то скрылся. На часок, говорит, отлучусь. Ну и парень, расторопный, прямо бес... Проходи.

4

Я вошел в комнату. Лейтенант, сидевший у стола, встал мне навстречу. Был он высок и строен. Поразили глаза. Посаженные близко, огромные, светлые, с подсиненными белками. Мрачноватая и горькая улыбка – от сомнений, от раздумий и путаных душевных мук – трогала рот.

– Владимир Тропинин. – Он сильно сжал мою руку. – Извините, что я тут... нахожусь.

– Это даже хорошо, что вы у нас, – сказал я, садясь. – Вы из госпиталя?

– Нет. Батальон наш расположен рядом, в школе. – Тропинин кивнул на окно, завешенное черной бумагой. – Но вообще-то из госпиталя. Был ранен под Ельней. Легко. Лежал недолго. – И предупреждая мой вопрос, сказал, не опуская взгляда: – В вашем доме бываю потому, что видел, как сюда несколько раз входила Тоня. Захотелось поближе взглянуть на нее. Вот и все... – Тропинкин вздохнул. – Голова разламывается от дум. Что будет со всеми нами? Немцы подступили к окраинам. Ночью слышно, как бьют орудия. Почему нас держат здесь, не понимаю. – Он облокотился о стол, опустил голову, прикрыв глаза ладонью, плечи вздернулись острыми углами. – Как могло случиться, что немцы дошли до Москвы? Где тут правда, кто виноват – не знаю.

– Просто на первых порах они оказались сильнее нас, – сказал я спокойно. – А внезапность – вещь страшная, порой даже смертельная... Нам не хватило одного года.

Тропинин вскинул голову, взгляд его близко посаженных, почти белых глаз толкнул меня в грудь. Он встал.

– Извините, я пойду, а то наговорю чего-нибудь лишнего...

Мать задержала Тропинина.

– Погоди немного. Насидишься еще в казарме-то. Попьешь чаю. – Она поставила на стол чайник и стаканы, ломтики хлеба в тарелке, консервы. – Сейчас Тонька придет, дежурство ее давно кончилось... Должно, тревога задержала...

Тропинин сел к столу и неожиданно улыбнулся – ему явно хотелось повидать Тоню.

– Мама, что сказал Чертыханов, когда уходил? – Я ждал Прокофия с непонятным для меня радостным волнением и надеждой; он был необходим мне: когда он бывал рядом, как-то само собой становилось легче и надежней жить на земле...

– Он сказал, что непременно вернется, – отозвалась мать. – Вернется, раз так сказал... – В это время в кухне тяжело затопали. Мать насторожилась. – Слышишь? Он...

Дверь широко растворилась, и порог перешагнул ефрейтор Чертыханов в расстегнутой шинели; пилотка чудом держалась на затылке. На обе руки до самых плеч были нанизаны круги колбасы. Он увидел меня, губы его раздвинула шалая и счастливая ухмылка.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! – гаркнул он оглушительно и хотел отдать честь – кинуть за ухо лопатистую свою ладонь, но помешали колбасные круги.

– Что это такое? – Я испытывал ощущение, будто мы и не расставались с ним, будто он отлучался на некоторое время по заданию и вот вернулся.

– Колбаса, товарищ лейтенант. Разрешите объяснить?

– Ну?..

– Возвращаюсь сюда проходными дворами, гляжу – хоть и темно, – какие-то люди бегут и ташат что-то в мешках и в охапках, торопятся. Мужчины там, бабенки и ребятишки. Я сразу догадался: дело нечисто. «Стой, кто такие, чего несете?!» Вы ведь знаете, как я могу крикнуть – милиция разбежится от страха, не то что бабы. Они побросали все, что несли, и наутек... Гляжу, а это колбаса. Наверно, продуктовую палатку разворовали или склад. А может, при налете бомба угодила в гастроном. Ну, подобрал немного, не кидать же...

– Не врешь?

– Честное благородное слово, товарищ лейтенант. – Чертыханов свалил колбасу на диван и железными руками сдал мне плечи. Мы поцеловались. Затем, легонько оттолкнув меня, он ткнулся большой лобастой головой в дверцу буфета и заплакал; спина его вздрагивала рывками. Мы с Тропининым переглянулись.

– Что с тобой? – спросил я. Чертыханов плакал взхлеб, шумно отдуваясь.

– Не знаю, – прохрипел он, не отрываясь от буфета. – Сам не знаю. Не обращайтесь внимания. Обрадовался очень... – Наконец он обернулся к нам. Широкое, с картошистым носом лицо его было омыто обильными слезами. – Я ведь, грешным делом, думал, что навсегда простился с вами, похоронил вас... Плохи были ваши дела: продырявили вас насквозь... А вы живы и здоровы, оказывается... Как не заплакать! – Он вытер платком глаза и щеки, снял шинель, пилотку, пригладил волосы и, достав из бездонного, точно колодец, кармана бутылку водки, аккуратно обтер ее платком и бережно поставил на стол. – Вот за чем отлучался. Пол-Москвы обегал. Все-таки достал. Достал родимую...

– Чертыханов вступает в свои права, – с усмешкой заметил я. – Расскажи-ка, Прокофий, как дошел ты до жизни такой – до госпиталя?

– Одну минуточку, товарищ лейтенант, сейчас все доложу, как по нотам... – Чертыханов был радостно возбужден: Стараясь не топтать каблуками, он принялся с особой тщательностью накрывать на стол: потребовал от матери свежую скатерть, большими кусками нарезал колбасу, ножом открыл бычки в томате, раскромсал буханку хлеба. Мать пыталась помочь ему, но он безоговорочно отстранил ее.

– Поберегите здоровье, мамаша, управлюсь сам... – Он легко и нежно прикоснулся ладонью к доньшку бутылки и, когда пробка выскочила из горлышка, разлил водку. – Извините, одна рюмка калибром побольше и не так изящна, я ее оставляю для себя... Прошу к столу... Разрешите сесть, товарищ лейтенант? Ну, за победу, товарищи командиры!..

Тропинин взглянул на него как на чудака, криво и с горечью усмехнулся.

– Петля на шее, а вы – за победу.

– Позвольте, товарищ лейтенант, сперва выпить, потом я вам отвечу, если разрешите. – Ловким взмахом он плеснул в рот водку, глотнул, не моргнув, и улыбнулся от наслаждения. – Насчет петли это вы, товарищ лейтенант, не от трусости сказали. Нет. По всему видать, вы не из робких. Но – сгоряча. И от горя... Ясно, что никто им шею не подставит для петли. Шалишь, брат! Конечно, невелико удовольствие сидеть за столом и бражничать, когда под окошком разгуливают вражеские танки. Под ложечкой сосет. Но, по моим понятиям, здесь, у Москвы, мы и должны прищучить немца. Это уж будьте уверены, товарищ лейтенант.

Мать, подойдя к нам, осторожно, хотя и решительно хлопнула по уголку стола ладонью.

– Немцу в Москве не бывать! – заявила она воинственно.

Прокофий оживленно воскликнул:

– Верно, мамаша! Золотые ваши слова: не бывать!

Я с любопытством оглядел мать, так неожиданно расхрабrivшуюся.

– Ты, что ли, остановишь?

Она улыбнулась застенчиво:

– А Бог-то? Он за нас, сынок. Да и вы... вон какие...

Тропинин пристально взглянул на Чертыханова – от того веяло спокойствием, даже безмятежностью, как будто война с немцами уже решена в нашу пользу.

– Что ж, за победу так за победу, – сказал Тропинин и выпил.

– Так вот, товарищ лейтенант, как я докатился до госпиталя, – заговорил Чертыханов. –

И на этот раз судьба сыграла со мной шуточку. Никак она не может выставить меня перед людьми в героической красе. Стыдится, видать... У героев на войне даже ранения соответственные: в грудь, в голову, в плечо... А меня ранило, извините, в задницу, как последнего трусишку... Под Ельней пришлось залечь – пулеметным огнем положил нас, подлец! Голову-то я спрятал, а зад не успел. И прострочили мне его в четырех местах, как по нотам. Две недели валялся, точно колода... Зато сзади у меня теперь задубело, что чугун... – Он покрутил лобастой головой и заржал, смущенно озираясь на мою мать. – Извините, мамаша, не сам выбирал место для ранений. – Он налил по второй.

Суровые солдатские марши, гремевшие по радио, внезапно заглохли, будто звук обрубили на самом призывном взлете. Завыли сирены. Мать перекрестилась. Она побледнела и в одну минуту осунулась.

– Опять летят! Опять кого-нибудь похоронят. – Мать стала торопливо одеваться. – Бегите скорей в убежище, ребята. Сынок... Это недалеко, в соседнем доме, в подвале.

Никто из нас не тронулся с места: то ли стеснялись выказать друг перед другом слабость, то ли в самом деле наступило полное равнодушие к опасностям.

– Нет, мамаша, – сказал Чертыханов. – У нас еще водка не допита, она, милая, куда сильнее немецких налетов.

– Мама, тебя проводить? – спросил я.

Мать присела на краешек дивана, с жалостью оглядела нас.

– Зачем мне идти? Беречь себя? Погибать – так уж вместе...

В эту минуту в комнату шумно ворвалась Тоня – пальто нараспашку, непокрытые волосы растрепаны.

– Едва успела добежать до ворот, – сказала она, кидая на диван сумку.

Тропинин встал, незаметным и привычным движением одернул гимнастерку, потемневшими глазами, не мигая, следил за Тоней.

– Сядьте, Володя, – сказала она. Тропинин послушно сел. – Здравствуй, Прокофий. – Поцеловала меня. – Здравствуй, мой хороший. Я сейчас к вам подойду, ребята... Мама, согрей воды, надо халат выстирать... – Вынула из сумки белый халат, унесла в кухню и вскоре вернулась к столу. – Налей мне водки, Прокофий, – попросила она. – Устала ужасно! Опять раненых привезли. Машин двенадцать. Носили, носили – руки отнялись совсем... – Она отпила водки, закашлялась. Тропинин зло взглянул на захмелевшего и оттого еще более безмятежного Чертыханова.

– Вот вам и победа!..

Прокофий прищурился на Тропинина.

– На войне не без издержек. Подумаешь – двенадцать машин. Еще будет сто, пятьсот, тысяча. Ну и что? Руки в небо, ворота настезь – заходите, господа немцы, в столицу? Так, что ли?

– Не очень-то крепкие запоры на наших воротах!

В словах Тропинина явственно сквозила нотка обреченности. Меня это задело. Я встал.

– Лейтенант Тропинин, – проговорил я отдельно. Тропинин тоже поднялся, пристально и безбоязненно взглянул на меня. Мы были разъединены столом. – Ваши высказывания нам всем не нравятся. Мысли ваши о неизбежной сдаче Москвы врагу держите при себе, если они вам дороги. Нам они чужды. Запомните это, пожалуйста. А в случае чего – не пощадим. Так и знайте.

– Не пугайте! – И без того светлые глаза Тропинина побелели от гнева. – На войне, кроме смерти, ничего не страшно. А смерть над крышами висит, в окна стучится. И я не верю, что вы думаете иначе, чем я.

– Откуда вам знать мои мысли! – крикнул я. – Вы меня своим единомышленником не считайте. Не выйдет!

Тоня остановила нас:

– Перестаньте! Что вы, право? До того ли сейчас... – Она тронула Тропинина за локоть, и лейтенант медленно опустился на стул.

– Извините, Тоня, – тихо сказал он и улыбнулся своей печальной и горькой улыбкой. – Я не искал ссоры...

Тоня постаралась увести нас от внезапно вспыхнувшего спора. Она увидела круги колбасы на диване и спросила Прокофия:

– Твоя работа?

– Моя, Тоня, – кротко ответил он. – Но по-честному.

Тоня допила оставшуюся в рюмке водку, поморщилась, зажмурив глаза, и сказала с неожиданным озлоблением:

– Никогда не думала, что в Москве, кроме людей хороших, работающих, ютится столько мрази... Как только наступает ночь, какие-то мрачные, молчаливые личности выползают, как тараканы из щелей, бочком крадутся по переулкам, проходными дворами, что-то вынюхивают, шныряют возле магазинов, складов, что-то несут в свои норы. Запасаются!..

Чертыханов беспечно успокоил ее:

– Не расстраивайся, Тоня. Есть такие, мягко сказать, паразиты, для которых бедствие народа, что называется, лафа – можно погреть руки, поживиться. Их надо спокойно и безжалостно уничтожать, как по нотам...

По радио объявили отбой. Мать распрямилась, как бы освободившись от тяжелого душевного бремени, и опять перекрестилась.

– Слава Богу, отогнали!..

Тропинин не отрываясь следил за Тоней смятенным и каким-то умоляющим взглядом. Она обернулась ко мне.

– Митя, ты хочешь повидаться с Саней Кочевым? Я выйду, позвоню ему в редакцию, скажу, что ты дома. Володя, проводите меня.

Тропинин мгновенно встал и попросил меня:

– Позвольте мне прийти к вам завтра?.. Если ничего не случится за ночь...

– Конечно. – сказал я. – Заходите, когда захочется. Не сердитесь на нас за прямоту...

– Ну что вы...

Тоня и Тропинин ушли. Чертыханов проводил их до двери, вернулся к столу и, обращаясь к матери, сказал со сдержанным восторгом:

– Вот она, мамаша, любовь-то: если у человека осталась хоть минута жизни – и ту ему хочется отдать любви. Без любви люди зачахнут, без нее и атака не атака, и смерть не смерть, и жизнь не жизнь. – Затем, придвинувшись ко мне, он понизил голос. – Я только что пил за победу, а у самого в душе так и жжет, так и жжет – терпения нет, выть хочется: а вдруг фашист и в самом деле лапу наложит на Москву? До передовой осталось меньше сотни километров. А, товарищ лейтенант? Что будет с Москвой-то?

С тех пор, как я узнал Чертыханова, я впервые увидел в его небольших серых, всегда лукавых, с сатанинской искрой глазах тоску, неосознанную, инстинктивную, как у зверя перед бедой. Пальцы его стиснули мой локоть.

– Что будет с Москвой?

Я и сам не знал, что с ней будет, сам искал ответ на этот раздирающий душу вопрос.

– Сдавали же ее в тысяча восемьсот двенадцатом году. И ничего – по-прежнему стоит на месте...

Чертыханов откачнулся от меня и сморщил лицо, как будто я причинил ему боль.

– Не то говорите, товарищ лейтенант. Совсем не то. Тогда было одно время, сейчас – другое. Советский Союз без Москвы – что человек без сердца. Да!.. А жить без сердца невозможно. – Он встал и затопал по комнате.

Я попробовал его утешить.

– Из Сибири войска идут. Эшелон за эшелоном. Целые корпуса. Отстоим.

– Это – другое дело! – быстро отозвался он и тут же с несвойственной для него застенчивостью попросил, заглядывая мне в лицо: – Товарищ лейтенант, возьмите меня к себе. Меня четыре дня назад должны были выписать из госпиталя, но я упросил кое-кого, чтобы задержали, пока вы не выздоровеете. Пожалуйста, товарищ лейтенант. Я хорошо буду себя вести, честное благородное слово!

– Возьму. – Он знал, что я люблю его, он знал, что необходим мне, как самая надежная опора.

– Спасибо. – Чертыханов вскочил. – Разрешите уйти, товарищ лейтенант, пока вы не раздумали. Мне пора. – Он поспешно оделся, кинул за ухо ладонь, на прощание обнял мать и не вышел, а как-то выломился из комнаты, оглушительно бухая каблуками.

– Ну и бес парень, – сказала мать. – Ты с ним не расставайся, сынок, из огня вынет.

Оставшись в одиночестве, я задумался о завтрашнем дне. Мне было непонятно, зачем я, строевой командир хоть с небольшим, но боевым опытом, понадобился генералу Сергееву. Стоять на перекрестках с фонариком и проверять документы? Не лучше ли было бы дать мне роту и послать навстречу наступающему противнику?

Тоня вернулась с Саней Кочевым. Я его едва узнал. В шинели, перетянутой ремнями, с пистолетом в новенькой кобуре на боку, со шпалой в петлицах, он, чуть запрокинув голову, смотрел на меня пристально и растерянно – меня он, должно быть, тоже не узнавал. И только когда улыбнулся устало и по-доброму, в нем проглянул прежний Санька Кочевой, с которым восемь лет назад случай свел нас еще подростками. Веселой и бурной встречи не получилось: время и события были настолько серьезны и грозны, что радость как-то сама собой глохла в душе. Мы крепко обнялись. Мать и Тоня всплакнули, глядя на нас.

– Я не раздеваюсь, Митяй, – сказал Саня. – Заехал буквально на минуту, чтобы только взглянуть на тебя. Сергей Петрович мне все рассказал. И про тебя, и про Никиту, и про Нину. Жив буду, обязательно напишу про всех вас. – Он неожиданно взъерошил мне волосы. – Помнишь, как ты никого не пропускал впереди себя в класс, в буфет, в общежитие: считал высшей для себя честью войти первым.

– Хорошо бы, Саня, эту мою привычку сохранить до конца войны, – сказал я. – Может случиться, что и в Берлин войду первым.

Руки Кочевого с тонкими и длинными пальцами торопливо и обеспокоенно расстегнули полевую сумку. Он вынул карту и развернул ее на коленях.

– Погляди. – Саня пальцем обвел большой полукруг с западной стороны Москвы. – Немцы подступили к городу почти вплотную... – прошептал он чуть слышно. – А ты говоришь – Берлин.

– Когда мы будем стоять у Берлина, – сказал я упрямо, – тогда о нем и говорить нечего, он будет лежать у наших ног. А я хочу говорить о нем сегодня, сейчас, когда фашисты подкатились

к Москве! И я хочу крикнуть им в лицо: разобьем вас, сволочи, захватим ваше проклятое логово! Мы его сотрем с лица земли! Камня на камне не оставим! – Я и в самом деле начал кричать, захлебываясь собственным криком, от бессилия и ненависти – немцы под Москвой, они до сих пор не остановлены – и от мучительного желания, чтобы от Берлина камня на камне не осталось сейчас же, немедленно. Я задышался, глаза застилали слезы – не выдержали нервы.

Тоня подошла ко мне и погладила по щеке.

– Сядь, выпей воды. А хочешь – водки. – Она вылила в стопку остаток из бутылки. Я выпил.

Саня стоял надо мной, высокий, в ремнях, и улыбался черными, без блеска глазами. Он любил меня, понимал и жалел. Вдруг, садясь, он рывком придвинулся ко мне вплотную и поведал, точно строжайшую тайну.

– Митяй, очнись. – Он опять кивнул на карту. – Взгляни сюда. Вот здесь, под Вязьмой, окружены четыре наши армии: девятнадцатая генерала Лукина, двадцатая генерала Ершкова, двадцать четвертая генерала Ракутина, тридцать вторая генерала Вишневого и Особая группа генерала Болдина. Это все на пяточке в пятьдесят километров в длину и тридцать в глубину. Там идут сражения днем и ночью. Я едва вырвался оттуда – помогла счастливая случайность. Над Москвой нависла смертельная угроза. Осознай это, Митяй!..

Сообщение Кочевого меня потрясло. Хмель, бродивший в голове, улетучился.

– Я все понял, Саня... Что делать мне, Дмитрию Ракитину, при создавшихся обстоятельствах? Дали бы мне сейчас роту, пускай не роту – взвод, я пошел бы туда и встал бы, преградив путь вражеской колонне, движущейся к Москве, задержал бы хоть на один час...

– Я поехал, Митяй, – услышал я голос Кочевого. – Скоро зайду, если уцелею.

– Подожди, – сказал я. Саня догадался, зачем я его остановил.

– Ты хочешь спросить про Лену?

– Да.

– Она со мной. Ты ее увидишь, если на некоторое время задержишься здесь...

Я проводил Кочевого до машины. Черная эмка, хлопнув дверцами, тихо тронулась по булыжной мостовой, выезжая на затемненную Таганскую площадь.

5

Днем Москва показалась мне еще более суровой в своей настороженности, еще более мужественной в своей решимости выстоять перед надвигающейся угрозой...

По улицам на большой скорости неслись грузовики с бойцами в кузовах, гремели скатами и колесами орудий на перекрестках, на выбоинах. Шагали не совсем четким строем рабочие с винтовками за плечами и с гранатами у пояса. Они пели: «Выходила на берег Катюша...» Один парень даже дерзко присвистывал. На этих примолкших и затаенных улицах песня звучала демонстративно, наперекор опасностям...

У мостов через Москву-реку громоздились баррикады: здесь дежурили артиллерийские расчеты с орудиями. От Покровских ворот к Устьинскому мосту спускался трамвай «А» и волочил за собой пушку. Бойцы столпились на задней площадке вагона и ухмылялись. У моста они отцепили пушку и стали ее устанавливать. На баррикаде к мешкам с песком прикреплен был фанерный щит, на нем детской рукой выведено: «Гитлеру капут!» По крышам зданий разгуливали зенитчики.

Садовое кольцо было перепоясано стальными ежами и щетиной рельсов, вколоченных в мостовую.

Ветер мел вдоль улиц желтые листья.

У генерала Сергеева все решилось просто и быстро. Майор Самарин ввел меня в огромный и пустынный кабинет, увешанный картами. За массивным столом сидел Сергеев и что-

то писал. Вот он приподнял голову, и я встретился с его глазами, утомленными и обеспокоенными, веки опухли и побагровели от бессонницы и напряжения. Казалось, он мучительно боролся с усталостью и сном. Не слушая моего доклада, он молча кивнул на кресло. Я сел.

Майор, ожидая распоряжений, остановился поодаль. Сросшиеся на переносице мохнатые брови придавали его лицу строгость и непроницаемость.

Окончив писать, генерал с треском оторвал листок от блокнота и подал его майору Самарину.

– Прикажете срочно перепечатать.

Майор вышел. Генерал, чуть приподнявшись, протянул мне руку через массивный стол; ладонь была широкая, прохладная и не очень крепкая.

– Здравствуйте. Сидите, сидите... Мне рекомендовал вас дивизионный комиссар Дубровин. Он сказал, что в окружении вы вели себя достойно и решительно. Я беру вас для выполнения важного задания. Москва перестала быть мирным городом. Москва – предстоящая линия нашей обороны. Улицы Москвы в скором времени могут стать местом боев.

У меня похолодела спина и дрогнул подбородок, я придавил его кулаком. Генерал заметил мое движение.

– Ну, ну, не стоит отчаиваться. – Он ободряюще кивнул мне и улыбнулся устало. – Я сказал: не станут, а могут стать...

Вернулся майор и опять остановился у стола с правой стороны. Генерал мельком взглянул на мои петлицы.

– А звание у вас того... невелико. Надо повысить... Считайте, что вы капитан. Товарищ майор, заготовьте приказ. Направьте капитана Ракитина в батальон майора Федулова. – Генерал сказал мне: – В этом батальоне триста человек или немногим больше. Примите его и сразу же, не теряя времени, возьмитесь за дисциплину. Это – главное. Люди пораспустились от сидячей жизни. Русский солдат не любит сидеть без дела. Инструкции и распоряжения получите на месте. – И он, опять чуть приподнявшись, протянул через стол руку. – Связь будете держать с майором Самаринным.

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться по личному вопросу, – сказал я. Генерал кивнул. – В госпитале на излечении находится ефрейтор Чертыханов. Разрешите взять его в батальон?

Зазвонил телефон. Генерал поднял трубку и, прежде чем отозваться, сказал мне:

– Берите. Майор Самарин поможет вам.

– Благодарю вас, – сказал я. – Разрешите идти?

– Идите. Желаю удачи, капитан. Действуйте смелее, а по необходимости беспощадно.

В приемной, где толпились военные и гражданские, мы отодвинулись в сторону. Майор Самарин пристально поглядел на меня сквозь выпуклые стекла пенсне.

– Вы, по всему виду, крепко понравились генералу. Когда ему кто-нибудь нравится, он бывает чрезвычайно щедр... – Майор улыбнулся и сразу стал проще и доступней.

– Могу поинтересоваться, – спросил я, – что это за батальон и чем он занимается?

Майор, как все люди, состоящие при крупных начальниках, знал много, но скуп был на откровенность; он как-то наивно пожал плечами.

– Сказано, получите указание на месте. Вот и ждите. Удостоверение личности при вас? Давайте. – Он взял у меня удостоверение и вышел из приемной.

Беспрестанно звонили телефоны, люди, перебивая друг друга, кричали в трубки. Посетители появлялись, тщетно пытались пробиться к генералу и, потолкавшись в приемной, исчезали.

Вернулся майор.

– С повышением вас! – сказал он. – Снимайте кубари. Прикрепляйте вот эти знаки. – Он высыпал мне на ладонь целую горсть шпал. – Батальон ваш размещен в школе неподалеку

от Таганской площади. Я сейчас позвоню майору Федулову, он вас встретит. Примите у него батальон, а его самого пошлите сюда. Да и комиссар там... невысокого полета птица. Не орел. Далеко не орел...

6

Школа встретила меня нежилой, сумрачной немотой. Гулко хлопнула дверь, гулко разнеслись мои шаги по коридору. В классах нижнего этажа на партах и прямо на полу дремали красноармейцы. На меня они не обратили никакого внимания. Я заглянул в директорский кабинет. Молоденький белобрысый боец, небрежно закинув ногу на стол, по телефону морочил голову какой-то девчонке, то воркуя, то игриво восклицая:

– Меня зовут Спартак. Был такой герой в Древнем Риме. Гладиатор. Какой я? Ничего, хорош сам собой. Ах, что вы говорите! Не пугайтесь. Война любви не помеха. Приходите на Таганскую площадь. А вы какая? Обрисуйте себя в общих чертах. Контурно.

В конце коридора на подоконнике сидел не кто иной, как лейтенант Тропинин, и читал газету. Увидев меня, встал и встряхнул накинутую на плечи шинель. Заметив шпалы на моих петлицах, усмехнулся:

– Еще два-три таких посещения, и вы станете полковником.

– Все может быть, – ответил я сухо. – Где же батальон, чем он занимается?

– Батальон? – спросил Тропинин с печальной иронией. – Одни отдыхают после обеда. Другие веселятся, сражаются в карты. – В это время с верхнего этажа скатился, прыгая по ступенькам лестницы, дружный и трескучий – взрывами – смех, вслед за тем послышались звуки фокстрота – завели патефон. – Слышите? Подобрали где-то патефон и крутят с утра до вечера... Ну а третьи просто бродят по городу, тоскуя от безделья.

– Где найти майора Федулова?

– Сейчас за ним пошлю. – Пройдя к директорскому кабинету, Тропинин приоткрыл дверь и приказал бойцу, который все еще кокетничал по телефону, позвать командира батальона. Боец выбежал из школы. – Майор получил письмо, ему сообщили, что убит его друг... Выпил немного... Не понимаю! Там идет бой, фронт задыхается без людей, а нам позволяют бездарно тратить время. Здоровые молодые люди!..

– Всех бросим туда – что останется про запас? – спросил я. – Не спешите, и до нас дойдет очередь...

Сзади хлопнула дверь. Вошли двое. Боец вполголоса сказал, поворачивая майора в нашу сторону:

– Там они, товарищ майор.

Громадный и медлительный, без головного убора, майор Федулов шел по коридору, слегка покачиваясь и как-то странно отфыркиваясь. Когда он приблизился, я заметил, что волосы его были мокры и прядями свисали на лоб: должно быть, боец, чтобы выстудить хмель, поливал голову майора холодной водой.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – сказал майор Федулов, виновато ухмыляясь. – Прибыли мне на смену? Давно пора, а то тут с ума сойдешь... Хотя и не москвич, а считаю ее, матушку, своей единственной, родимой... – Он потер ладонью широкое лицо и всхлипнул. – Как ты думаешь, капитан, потеснят они нас еще?

– С такими, как вы, захватят, – сказал я жестко. – Непременно. Таких раздавят.

Это разозлило Федулова, он вдруг закричал срывающимся голосом, грубо и с угрозой:

– Меня раздавят?! Меня! А чем я хуже вас? Чем? Нет, братец, меня раздавить непросто. Я не козявка, я солдат! – Дрожащими пальцами он растегнул шинель, откинул левую полу. Пламенно сверкнули два ордена Красного Знамени. Он ударил себя в грудь. – Этим орденом

за Финляндию наградили, а этим – за Ельню! Себя не жалел. И фашистов не жалел. Понял? Оскорбил ты меня, капитан.

– Где ваши люди? – спросил я, когда майор успокоился и утих, сокрушенно и с огорчением покачивая головой. Он простодушно рассмеялся и вяло махнул рукой.

– Черт их знает, где! Спартак, беги дома, прикажи ребятам собраться во дворе...

Белобрысый боец кинулся выполнять приказание. Я спросил майора:

– А если сейчас, немедленно нужно будет решать боевую задачу, что вы станете делать?

– Не тревожьтесь, задачу решим. Я только и делаю, что жду боевой задачи. – Майор начал приходить в себя. – Эх, капитан... Фронты лопаются, как орехи, а тут – батальон... Лейтенант, – обратился он к Тропинину, – проследи, пожалуйста... Хотя постой, я сам. Проветрится не мешает... Комиссар здесь?

– Нет, – ответил Тропинин. – Сказал, что поехал домой и в случае чего явится по звонку.

– Позвони ему, попроси немедленно прибыть...

Майор ушел, а Тропинин скрылся в директорском кабинете. Я долго смотрел в окно, раздумывая о создавшемся в батальоне положении и о своей новой роли, неясной и загадочной. Я был убежден, что бойцам, предоставленным самим себе, и не так уж радостно чувствовать свободу перед лицом смертельной угрозы и их легко будет привести в норму...

Из окна было видно, как по Большой Коммунистической улице провели аэростат. Тускло отсвечивающий, рыхлый и длинный, он проплыл, точно тело кита. Из репродуктора, установленного на площади, донесся голос диктора. Я открыл окно и отчетливо различил слова: «В течение ночи с тринадцатого на четырнадцатое октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону. Наши войска вынуждены были отступить... Москва в опасности!..»

Генерал, пожалуй, сказал правду: линия обороны будет проходить в Москве...

Подошел лейтенант Тропинин.

– Комиссар сейчас приедет, – сказал он, и глаза его, близко посаженные, огромные, остановились на мне. – Сообщение Информбюро слышали?! – Он вспомнил вчерашний тост Чертыханова. – Придется воевать на баррикадах.

– Придется, – ответил я. – Но Чертыханов сказал вчера все-таки верно. – Тропинин промолчал. – Кстати, пошлите человека в госпиталь за Чертыхановым. Я скажу адрес.

– По-моему, он у вас дома. Я видел, как он прошел по двору. Еще утром. Дежурит, вас поджидает. Я позову, если хотите...

Чертыханов ворвался в школу.

– Договорились, товарищ лейтенант?

С напускным равнодушием я пожал плечами: не удалось, мол. Он растерянно заморгал, затем заметил на моих петлицах шпалы, и рот его удивленно приоткрылся.

– О, виноват, товарищ капитан! – И только теперь пристукнул каблуками, и ладонь с растопыренными пальцами вскинулась вверх, к пилотке. Я достал из сумки записку от майора Самарина и вручил ее Прокофию.

– Поезжай в госпиталь, выпишись, заberi свои вещи – и немедленно сюда.

– Слушаюсь, товарищ капитан. Я мигом. Спасибо! – Он повернулся и затопал по коридору к выходу.

Вскоре майор Федулов пригласил меня во двор.

– Прошу вас, капитан, на смотр войскам. – Он совсем протрезвел, вел себя как-то не по росту суетливо и от этого казался еще более жалким, виноватым и несчастным.

Батальон был выстроен на спортивной площадке повзводно. Это были молодые и здоровые ребята с автоматами поперек груди. На меня смотрели выжидательно.

– Товарищи бойцы и командиры! – откашлявшись, обратился к ним майор Федулов. – Вот и пришла пора распрощаться мне с вами. Так и не дождался золотого времечка – побывать совместно в деле. Представляю вам нового командира – капитана Ракитина.

Кто-то из бойцов спросил:

– А вы куда же, товарищ майор?

Федулов восторженно, приосанился и ответил громко и хрипло:

– Куда пошлют. Передовая теперь рядом. На нее путь всегда открыт. Может, там и встретимся.

Я попросил проверить списки. В строю не оказалось двадцати шести человек. Майор Федулов успокоил меня.

– Они где-нибудь поблизости. Подойдут. – Он все время ощущал какую-то неловкость, должно быть, оттого, что я встретил его в нетрезвом виде.

Я медленно прошел вдоль строя, пристально и с беспокойством вглядываясь в лица бойцов, пытаюсь угадать, что это за люди, с кем придется, быть может, завтра идти в бой. Вернувшись на прежнее место, я скомандовал:

– Коммунистов попрошу подойти ко мне.

Строй не дрогнул. От него отделились лишь трое: два командира и пожилой красноармеец с рыжей широкой бородой.

– Лейтенант Кащанов, командир второго взвода, – представился один, узкоплечий, с большим кривоватым носом на узком лице.

Второй, приземистый, скуластый, с тонкими, неистово светящимися полосками глаз, тоже назвал себя:

– Лейтенант Самерханов, командир первого взвода.

Я подошел к бойцу с рыжей бородой; он стоял как-то неловко, в громадных ботинках, в обмотках, увесистые руки высывались из рукавов и казались чересчур длинными. Бойцы, поглядывая на него, тихо посмеивались.

– А вы кто? – спросил я.

– Так что рядовой Никифор Полатин, – ответил он спокойно. – Ездовой я и санитар.

«Да, не слишком крепка партийная прослойка, – подумал я не без горечи. – Надо что-то предпринимать, пока не поздно».

Затем скомандовал:

– Комсомольцы, три шага вперед! – И чуть не вскрикнул от радостного изумления: весь батальон отпечатал трижды – раз, два, три! Я обернулся к Федулову.

Майор улыбнулся:

– Батальон сплошь комсомольский.

Настроение мое поднялось мгновенно.

– А фронтовики среди вас есть? – спросил я.

– Есть. Есть!.. – слышалось несколько голосов.

– Два шага вперед! – крикнул я, едва сдерживая радость.

Выступило больше ста человек. Я подошел к первому; это был невысокий, неказистый с виду человек, в шинели с завернутыми рукавами – они были ему длинны.

– Как фамилия? – спросил я.

– Лемехов Иван. Бронебойщик.

– Где воевал?

– От границы шел. Ранило под Рославлем.

– В боях участвовал?

Лемехов даже рассмеялся: вопрос показался ему наивным.

– А как же! Два танка на счету имею.

Следующий на мой вопрос ответил мрачновато:

– Сержант Мартынов. Разведчик. Был ранен под Минском.

Бойцы, один за другим, откликались:

– Красноармеец Морозов. Шофер. Вышел из окружения под Смоленском.

– Младший сержант Емелин. Пулеметчик. Шел от границы. В районе Орши был ранен!..

Я обошел всех фронтовиков, каждому посмотрел в глаза. Ох, повидали виды ребята!..

Только сейчас я обратил внимание на то, как разномастно были одеты люди: поношенные, выгоревшие шинели, ботинки со стоптанными каблуками, обмотки, – и спросил:

– Претензии есть?

Подтянулся и с тревогой посмотрел на бойцов майор Федулов. Но строй молчал.

– Есть! – Никифор Полатин поднял руку. – Товарищ капитан, можно задать вопрос?

– Задавайте.

– Долго нам еще находиться тут?

– Нет, не долго, – ответил я, убежденный в том, что при сложившемся положении нас со дня на день бросят на фронт.

– Медикаментов нет, перевязочных средств тоже нет, учтите, товарищ капитан, – сказал Полатин.

– Патронов маловато! По одному запасному диску.

– Противотанковых гранат совсем нет!..

– Передайте командованию, что сидеть на месте дольше нет никакой возможности!

Требования сыпались одно за другим со всех концов. И когда установилась тишина, я сказал, обращаясь к батальону:

– На Западном направлении немецко-фашистские войска вновь прорвали нашу оборону. Наши войска отступили. Не исключено, что линия обороны пройдет по самому сердцу нашей столицы. Батальон должен быть готов каждую минуту к выполнению боевых действий. С этого момента самовольная отлучка из расположения батальона будет рассматриваться как дезертирство. А время сейчас слишком суровое, чтобы можно было щадить дезертиров. Всем бойцам и командирам, кто самовольно или с согласия командира поселился на квартирах, немедленно вернуться в расположение, то есть сюда, в школу. Командиров взводов прошу проследить за выполнением.

Во время моей речи во двор входили бойцы, спрашивали у майора разрешения и вставали в строй...

Прибежал и Чертыханов с вещевым мешком за плечами, запыхавшийся, распаренный – видимо, сильно торопился. Он бодрым, строевым шагом подошел к нам.

– Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу капитану. – И, повернувшись ко мне, крикнул: – Товарищ капитан, ефрейтор Чертыханов после излечения в госпитале прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей боевой службы! Разрешите встать в строй?

– Вставайте, – сказал я.

Бойцы, с интересом наблюдая за плутовской рожей Чертыханова, за старательными, истовыми его движениями, ухмылялись, перешептываясь. Прокофий отодвинулся на левый фланг первого взвода и замер, уставившись на меня, точно демонстрировал бойцам наглядный урок, как надо относиться к командиру, а во взгляде его я уловил хитрый намек: пускай, мол, учатся, с каким усердием и прилежностью надо нести службу.

– Кто хорошо знает расположение города? – спросил я. Оказалось, что половина бойцов не знала Москвы. Я приказал разбить каждый взвод на группы и к каждой группе прикрепить москвичей, чтобы они могли по карте ознакомить бойцов с основными городскими районами.

Широко расстилаясь над крышами, текли рыхлые мокрые облака. Их без устали гнал ветер, точно старался прикрыть город от вражеского глаза. Ветер со свистом врывался в школьный двор, взвихривая пыль, трепал тополя, стряхивая с ветвей последние листья; листья, кружась, взвивались вверх и уносились вместе с облаками. Изредка залетали редкие и косые капли

дождя вместе со снежинками, словно кто-то швырял их горстями. Все это делало обстановку еще более тоскливой, наводящей на тяжелые мысли о нашей заброшенности. Бойцы вбирали головы в плечи, взгляд их был вопрошающе угрюмым.

Наконец появился комиссар. Стройный, легкий на ногу, он шел по двору, как бы пританцовывая. Это был порывистый молодой человек в длинной, до щиколоток, шинели с ярко начищенными пуговицами, словно были вкраплены в серую материю горящие угольки. Подевочки нежное, моложавое лицо его было бледным, губы маленького рта выглядели излишне пунцовыми. Взмах руки к козырьку был сделан четко, с таким вывертом, рассчитанным на эффект.

– Старший политрук Браслетов, – представился он. Рука притронулась к моей ладони и сейчас же выскользнула.

Я приказал батальону разойтись, и бойцы побежали по квартирам ближайших опустевших домов за вещами, чтобы перебраться в школу.

Браслетов отвел меня в глубь двора. Мы остановились между двумя столбами, где когда-то была натянута волейбольная сетка.

– Последнюю сводку слышали, капитан? – спросил меня Браслетов почему-то шепотом.

– Да.

– Что вы скажете об этом? Что будет дальше? – Он зябко поежился и потер руки, ища у меня сочувствия.

Я поглядел на его маленький женственный рот, на тонкие дуги бровей и ответил почти небрежно:

– На фронте достаточно войск, чтобы задержать противника. Это меня волнует меньше всего. Меня тревожит положение в батальоне, товарищ старший политрук.

Судя по всему, капризный и тщеславный, Браслетов, должно быть, не терпел замечаний и сейчас оскорбленно вспыхнул, щеки покрылись розовыми пятнами.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

– Командир пал духом, вы по целым дням пропадаете бог знает где. Люди предоставлены самим себе. И это в такой-то момент! Восемь человек до сих пор не явились. Где они? Дезертировали? Их не видят в батальоне четвертый день.

– Подумаешь! – воскликнул он решительно. – Армии гибнут, а вы – сбежало восемь человек. Ну и черт с ними, коль сбежали! Такие в трудную минуту не надежда.

– Что вы болтаете? – сказал я, оглядывая его. – Комиссар называется!..

Браслетов опять побледнел до прозрачности, еще ярче обозначились дуги бровей под козырьком фуражки.

– Как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне! – Побледневшие губы его трепетали, белая полоска подворотничка врезалась в шею. – Я вам... Я вам не подчиненный...

– Нельзя ли без истерик, комиссар? – попросил я и пошел к зданию школы. Браслетов молча следовал за мной.

В кабинете директора – «нашем штабе» – майор Федулов собирал в чемодан свои пожитки.

– Ну, капитан, желаю тебе удачи от всей души, честное слово, – заговорил Федулов. – Канцелярии при мне нет, печати тоже. Один список личного состава и аттестат на питание. Питаемся мы в ближайшем подразделении ПВО. А то и так, по случаю...

– Не явилось восемь человек, вы знаете об этом? – спросил я.

– Знаю. – Майор улыбнулся примирительно и по-свойски. – Придут. Вот пронюхают, что новый командир прибыл, и заявятся, как миленькие. Это я знаю точно. Ты, Спартак, за ними сходи, позови... Ну прощайте, ребята. – Майор Федулов вышел из комнаты. Я видел в окно, как он медленно, чуть покачиваясь, пересек двор, волоча огромный пустой чемодан. «Что с ним произойдет дальше? – спросил я себя. – Человек он храбрый, обязательно попадет на фронт и

однажды, подвыпив, выскочит впереди бойцов, поведет их в атаку, безрассудно, не страшась за свою жизнь и за жизнь других, и вражеская пуля уложит его навсегда...»

Сзади меня Браслетов произнес дрожащим от волнения голосом:

– Жена у меня родила. Девочку. Сегодня привез домой. У жены, кажется, грудница началась. Мучается, бедняжка, молока нет...

Я обернулся к нему.

– Обязанности есть обязанности. Начнутся бои, нужно будет организовать оборону, а вы, вместо того чтобы руководить боем, побежите к своей «бедняжке»...

– Не утрируйте! – крикнул он. – Я сказал все это не для того, чтобы вы издевались над моим горем. Теперь я знаю, что не найду у вас сочувствия.

– Жене вашей я глубоко сочувствую, – сказал я, – вам – нет.

7

Взвод лейтенанта Кащанова располагался на втором этаже в двух классных комнатах. Из одной донесся, когда мы поднялись на этаж, всполошенный шум, сквозь него пробивался мальчишеский, с визгом, со всхлипами, плач. Чертыханов пробежал вперед и растворил перед нами дверь. Шум сразу стих, прервались и всхлипывания. Бойцы столпились возле парт, сдвинутых к одной стене. Лейтенант Кащанов встал и загородил собой красноармейца.

– Взвод занимается изучением расположения города, – доложил он.

Чертыханов взглядом показал мне на бойца, стоявшего за спиной Кащанова. Я тронул лейтенанта за плечо, он сделал шаг в сторону, и передо мной очутился боец, молоденький и хрупкий, с неоформившимися плечами и тонкой шеей; волосы у него мягкие и белые, нос в веснушках, на губе нежный цыплячий пушок. Я видел его впервые, в строю его не было. Он изредка сдержанно всхлипывал и размазывал по щекам слезы.

– Как ваша фамилия? – спросил я.

– Куделин, – прошептал боец.

– А зовут как?

– Петя... Петр Куделин.

– Сядь, Петя, – сказал я.

Куделин привычно сел за парту, из-за которой, должно быть, недавно встал: надо было идти на фронт. Я присел рядом.

– Почему ты плачешь?

– Так, ничего, – ответил он, не поднимая глаз.

– А все-таки?..

Лейтенант Кащанов опустился на соседнюю парту и обернулся к нам.

– Он бегал к себе домой. Прибежал, а дома нет – одни развалины.

– Кто оставался дома, Петя? – спросил я. – Родители погибли?

Петя Куделин пошевелил дрожащими губами:

– Родители умерли, когда я был маленьким. Я с бабушкой рос... Старенькая она была. Сперва ходила в убежище, а потом перестала. Дом деревянный... Бомба угодила прямо в середину, разворотила все... Пожарные бревна растаскивали...

– Бабушку нашли? – спросил Чертыханов.

– Нет еще, – ответил Петя. – Я не стал дожидаться: а вдруг ее раздавило совсем? Я боюсь... Глядеть на нее боюсь. Я мертвецов боюсь.

– Это бывает, Петя, – сказал Чертыханов, утешая. – Привыкнешь. На войне насмотришься. Ничего страшного в этом нет. Те же люди, только не дышат. Вот и все.

Куделин с испугом отодвинулся от ефрейтора, поглядел на него изумленно и с замешательством: как это он так безбоязненно об этом говорит, – по-детски, всей ладошкой, стер со щек слезы. Я взглядом пригрозил Чертыханову, но тот, пожав плечами, сказал:

– А что? Он не маленький.

Я заметил, как разволновался и побледнел Браслетов, слушая Куделина, ему как будто стало душно, и он расстегнул ворот гимнастерки.

– Где ты живешь? – спросил он. – Где твой дом?

– Недалеко отсюда, – сказал Петя. – У Павелецкого вокзала. В переулке у Коровьего вала. Браслетов распрямился, страх округлил его глаза.

– Я на минуту отлучусь, позвоню. Это рядом с Серпуховской! – шепнул он мне и метнулся из класса.

Петя Куделин сидел, понутив голову, жалел бабушку и думал, должно быть, о своей сиротской доле, об одиночестве, а слезы, накапливаясь на ресницах, отрывались и падали на парту, и он растирал их локтем.

Я положил руку на узенькие его плечи.

– Война, Петя. Бабушку теперь не вернешь. Теперь семья твоя здесь, среди нас. Скорее становись солдатом. Не сегодня завтра вступим в бой...

Куделин угрюмо молчал, шмыгал носом и изредка кивал головой, белой, с вихром на макушке.

– Назначьте Куделина командиром группы, лейтенант, – сказал я командиру взвода Кащанову. – Москву он знает и в случае чего провести людей к назначенному пункту сумеет. Сумеешь?

– Да, – сказал Куделин, вздохнул и пошевелил плечами, как бы сбрасывая с себя, со своей души обременительный груз. Он даже с интересом взглянул в сумеречный угол класса, где Чертыханов, собрав вокруг себя бойцов, что-то рассказывал приглушенным, с хрипотцой голосом. Там уже возникал сдержанный хохоток.

Вернулся Браслетов с порозовевшими, в пятнах щеками, но усталый и расслабленный, точно перенесший изнурительную болезнь. Он вытирал платком горячий лоб и шею.

– Все в порядке пока, – негромко произнес он, приблизившись к нам. – Бомба разорвалась совсем рядом, выбило стекла. Я сказал, чтобы Соня вообще переселилась в бомбоубежище. – Он погладил Куделина по волосам и подбодрил с излишней воинственностью: – Мужайся, солдат. Будем мстить фашистам и за твою бабушку.

Тропинин прошептал как бы самому себе:

– Более глупой фразы невозможно придумать... – Он поднял на меня взгляд огромных, близко посаженных глаз.

Сумерки, серые и сырые, медленно вливались через потемневшие широкие окна класса. В наступившей тишине, в полумгле было слышно, как ветер со свистом обшаривал углы здания, глухо стучал в стекла каплями дождя, и от этого тревога охватывала ощутимо и властно, с обжигающей силой. Бойцы замолчали. Чертыханов сидел позади меня, и я слышал его шумное дыхание. Чувство отгороженности от мира в четырех стенах было мучительно тягостным. Я попросил опустить на окна шторы из темной и плотной бумаги. Зажгли свет. Бойцы сразу оживились, кто-то робко засмеялся.

Перегнувшись через парту, Чертыханов шепнул мне:

– Может, маму навестите, товарищ капитан? Она, я знаю, ждет вас. Вот уж рада будет.

Комиссар Браслетов моментально и с горячностью откликнулся на предложение Чертыханова.

– Домой надо сходить. Обязательно. – И просительно, с надеждой заглянул мне в глаза; он знал, что дома все в порядке – справлялся час назад, – но страх за жену и дочку снова выбелил его красивое лицо. – Это будет последняя встреча наша, чует мое сердце...

Я не стал разубеждать его: немцы каждый час бросали бомбы на притаившиеся во тьме кварталы, и нас в любой момент могли двинуть навстречу вражескому огню. Браслетов прошептал еще тише:

– У меня такое чувство, капитан, что нам сидеть здесь осталось недолго...

– Вполне возможно, – ответил я.

– Надо бы сходить попрощаться... – Он ухватился за новую мысль. – Пройдемся вместе, если хотите. Жена моя будет рада видеть вас, честное слово...

Мне тоже не терпелось вырваться отсюда. Меня потянуло взглянуть еще раз на Москву, захотелось пройти по ее пустым и темным улицам с немymi окнами домов, прислушаться...

– Сейчас я позвоню майору Самарину, спрошу, – сказал я, вставая. Глаза Браслетова благодарно заблестели. Он спустился вместе со мной в директорскую, где был телефон, нетерпеливо прислушивался к нашему разговору и от волнения машинально тер платком блестящий козырек своей фуражки.

Майор Самарин сказал, что все пока для нас без изменений, но что мы, как всегда, должны быть готовы к возможным неожиданностям. Он разрешил мне ненадолго отлучиться. При этом вздохнул укоризненно:

– Ох уж мне эти москвичи – дом тянет как магнит...

8

До Серпуховской площади мы шли пешком: я и Браслетов впереди, Чертыханов на несколько шагов сзади нас – чуткая, молчаливая тень. Пламя пожаров, то широкое и свежее, то слабое, затухающее, красновато и неглубоко окрашивало низкое, в тучах небо, наводя на мысли о Москве, подожженной французскими войсками. Вспомнилась виденная когда-то картина: Наполеон стоит в Кремле у окна в тяжком раздумье, руки скрещены на груди, углы губ опущены огорченно и брезгливо, к потному лбу приклеена косая прядь; он смотрит на полыхающий заревами огромный город, слушает набатный звон колоколов и думает о том, какая неведомая сила рока завлекла его в эту бескрайнюю, дикую землю, чтобы именно здесь осознать свое бессилие и обреченность, ощутить приближение конца своему могуществу; глаза его выражают тоску, ненависть и раскаяние...

На улицах по-прежнему двигались роты бойцов, артиллерийские упряжки, ползли, лязгая на булыжнике, танки.

Впервые в этот вечер я уловил острый запах дыма, прибиваемого ветром к мостовым. Ветер нес шуршащий под ногами бумажный пепел.

Мы спустились на Краснохолмский мост. На черной воде внизу расплывались багровые пятна – отсветы пожаров.

Браслетов жил на Большой Серпуховской улице близ площади. Мы прошли через ворота во двор. На втором этаже Браслетов отпер дверь своим ключом, и мы очутились в передней большой коммунальной квартиры. Длинный коридор уводил в глубокую мглу, слеповато освещенную маленькой лампочкой. Браслетов кинулся к двери своей комнаты. Она была заперта. Опрятная старушка, какие всегда, точно дежурные, состоят при общих квартирах, прилежно и с состраданием сообщила ему:

– Нету Сонечки, Коля, и не стучись и не входи. Ушла в метро. И Машеньку унесла. Отдохнет хоть немного под землей-то, отоспится. Там спокойней...

– В какое метро она пошла? – спросил Браслетов упавшим голосом; он, сразу обессилив, сел на табуретку возле вешалки. – А почему вы не пошли, тетя Клава? Ей будет плохо без вас...

– Не одна пошла – всей квартирой, – отозвалась тетя Клава из полутемной кухни: она появилась в передней с чайником в руках. – А Петра Филипповича на кого кину? Он об убежище и слышать не желает: мужская, видите ли, гордость в нем проснулась...

Услыхав свое имя, из боковой двери выскочил сухонький и тоже очень опрятный человек в полотняной толстовке и в брюках в мелкую белую полоску, на ногах – парусиновые туфли, на тонком, чуть вздернутом носу – пенсне с четырехугольными стеклами. Все в нем говорило о былой благородной мужской красоте. Вскинув голову, он оглядел нас дерзко и вызывающе, затем спросил с веселой иронией, с насмешечкой:

– Что, молодые люди, проворонили державу?

– Почему вы так решили? – сказал Чертыханов хмуро.

– Где мне самому решать такие проблемы! – с наигранным испугом воскликнул он. – Немцы помогли решить. Бомбочками своими. Бомбочки чересчур громко взрываются и наводят на горькие размышления. Московскому жителю ничего не остается, как залепить окна жилищ полосками бумаги – крест-накрест. Точно осенили себя крестным знаменем... Этим и спасаемся от налетов...

Я с интересом слушал высказывания Петра Филипповича, за которыми скрывались и горечь и тоска: ему тяжело было сидеть в четырех стенах одному, ему хотелось говорить, обвинять, жаловаться.

Петр Филиппович, закинув бледные руки – обтянутые кожицей костяшки – за поясницу, склонился над сидящим с поникшей головой Браслетовым.

– Вам сказали, Николай Николаевич, где ваша Сонечка: под землю отдыхать пошла. Это, милый мой, не парадокс, а факт. Поразительно! Советского человека – и под землю. Как пещерного предка – в пещеру!

Чертыханов сорвал с плеча автомат.

– Товарищ капитан, я не могу больше слушать его! – прохрипел он, задыхаясь. – Это же закругленный контрик, вражеский агент!

– Нет, товарищ боец, ошиблись. – Петр Филиппович тоненько засмеялся, мотая головой, блестя стеклами пенсне. – Я не контрик и не агент. Я старый московский обыватель, который любит порассуждать. Мы много самообольщались. И я, поверьте, самообольщался. Но немцы одним июньским утром хмель из головы вышибли, я протрезвел, как, впрочем, протрезвели и вы, молодые люди.

– Что же дальше? – спросил я, внимательно выслушав его. – Вывод какой? Пропала советская власть, да?

Петр Филиппович резко откинул голову, как от удара в подбородок. Некоторое время разглядывал меня с надменной улыбкой, затем качнулся ко мне.

– Вот этот молодец с автоматом, – он взмахнул рукой на Чертыханова, – обвинил меня в том, что я вражеский агент, я не обиделся на него: это так же нелепо, как если бы он назвал меня, ну, скажем, марсианином. Он, как всякий страдающий отсутствием интеллекта, прямолинеен. Но вы меня оскорбили, уважаемый. Разве я сказал, что советская власть погибнет? Подумаешь, немцы со своим сумасшедшим фюрером! Весь мир опрокинется – и тогда выстоим!

– Остановитесь, Петр Филиппович, – простонал Браслетов. – Пожалуйста... Голова кругом идет...

Тетя Клава проговорила строго и с осуждением:

– И вправду! Чего ты прицепился к ребятам, очень нужны им твои рассказы. Иди пей кофе – подала...

– Спасибо, Клавдия Никифоровна, – с подчеркнутой учтивостью сказал Петр Филиппович и удалился к себе пить кофе и размышлять о судьбах человечества.

Чертыханов хмыкнул и покрутил указательным пальцем возле своего виска.

– А он у вас псих...

– Что делать? – Обхватив голову руками, Браслетов тихо раскачивался из стороны в сторону. – Не выдержит она... Где ее искать теперь?..

Я взглянул на его склоненную голову, на проступающие под шинелью острые лопатки, и саднящее чувство неприязни к нему сменилось жалостью. Он не был виноват в том, что немцы подошли к Москве, что жена его в этот страшный момент оказалась больной и что на руках у нее крохотное существо – дочка. Я тронул его за плечо.

– Николай Николаевич, нельзя же так. Возьмите себя в руки... – И спросил у тети Клавды: – В какое метро она ушла?

– К Зацепе. В новое, еще не достроенное. Ближе-то нет.

– Найдем, товарищ комиссар, – сказал Чертыханов уверенно. – Из-под земли достанем.

– Вы так думаете? – Браслетов встал и с надеждой посмотрел на Прокофия.

– Как по нотам. Зря времени терять не следует... – Чертыханов простился с тетей Клавдой: – Счастливо оставаться, мамаша. Не жалейте кофе для интеллигента. – Он указал на дверь, за которой находился Петр Филиппович, и добавил громко: – Гнилого интеллигента!.. – «Старый русский офицер» сильно обидел Прокофия, назвав его прямолинейным.

Мы вышли из подъезда во двор. Тележки и тачки здесь стояли рядами, нагруженные мешками и чемоданами, прочно увязанные веревками. Попадались даже детские коляски, доверху заваленные кулками и пакетами. Во дворе дежурили молчаливые женщины, зябко кутали лица в шерстяные платки, в меховые воротники...

Небо над городом было исхлестано голубыми прожекторными струями. В их свете клубились тучи с фиолетовыми краями. Изредка тучи прошивались сверкающими строчками трассирующих пуль. Где-то высоко кружились самолеты, и где-то далеко стреляли зенитки... Вокруг листопадом осыпались, белея во тьме, четвертушки бумаги – вражеские листовки, сброшенные с самолетов. Я поднял несколько штук, Прокофий осветил фонариком, и я прочитал: «Москвичи, советская оборона прорвана доблестными немецкими войсками на всем фронте. Завтра немецкая армия вступит в Москву. Оказывать сопротивление бесполезно. Оно вызовет излишнее и ненужное кровопролитие. В метро не укрывайтесь, метро будет взорвано и залито водой...»

– А ведь могут взорвать, а? – Страшная мысль эта как бы парализовала Браслетова. Он стоял ошоломленный, затем снял фуражку и вытер вспотевший лоб. – Для этих зверей нет ничего святого... Как вы думаете?

– Могут, конечно, – сказал я. – Взорвать все можно. Но не взорвут. Не так-то это просто – взорвать и затопить метро.

– А почему нет? – допытывался Браслетов. – Кинут большую бомбу в Москву-реку, пробьют дыру, и вода ринется в тоннели.

Своими причитаниями и жалобами он опять вызвал у меня неприязнь. Мне хотелось накричать на него, пристыдить: «Ты видишь свою жену каждый день, а я вообще не знаю, где моя жена и что с ней!»

Мы приблизились к станции метро, неосвещенной и недостроенной: война застала ее в самом разгаре работ. Прошли в полутемный вестибюль, где толпились люди, теснясь к спуску в шахту. Пахло мокрой известью, стоялой водой. Я взглянул в наклонный ствол шахты и ахнул – взгляд упал в бездонную глубину, в кромешную темень. Несколько лампочек не могли пробить мрака. На месте будущих эскалаторов были наскоро сколочены деревянные лестницы с шаткими перилами. Лестницы как бы засасывали вниз, и люди, спускаясь, со страхом ступали со ступеньки на ступеньку, словно боялись, что оттуда, из подземелья, не будет возврата.

– Здесь ее нет, – сказал Браслетов, проталкиваясь к нам. – Внизу, наверно.

– Сойдем вниз, – сказал я.

Лестница с зыбкими ступенями казалась бесконечной. Чем ниже мы спускались, тем становилось глуше и теснее сердцу – жизнь оставалась где-то далеко, наверху.

Чертыханов, идущий впереди меня, поддерживал какую-то старушку, которая вцепилась в рукав его шинели; к груди она туго прижимала маленький узелок.

– Не притомились, товарищ капитан? – заботливо справился Чертыханов, обернувшись ко мне. – Наверно, таким путем вводили грешников в ад...

– Шагай, шагай, – сказал я. – После поговоришь...

Наконец лестница кончилась, и мы очутились на площадке будущей подземной станции. Лампочки освещали длинные ряды деревянных топчанов и скамеек, а на топчанах – людей. Люди лежали по одному и по двое, спали, читали книги, размышляли над шахматными комбинациями или просто сидели, оцепенело уставившись в одну точку. Старики, женщины, мужчины; в узеньких проходах ребяташки ухитрялись играть в скакалки. Под топчанами – узлы, обувь, кошелки с едой... Разговаривали вполголоса, точно находились в публичной библиотеке или в склепе, пугливо прислушивались к чему-то, хотя ни один звук жизни не мог пробиться сюда сверху.

Надо всем этим тяжело и угрюмо нависали своды – десятки метров земляного пласта...

Браслетов растерян и с тоскливой надеждой оглядывал до отказа забитое людьми помещение – пройти сквозь эту тесноту было невозможно. Чертыханов попросил:

– Нарисуйте портрет вашей супруги, товарищ комиссар.

– Вы ее сразу узнаете, – быстро отозвался Браслетов. – Она черненькая такая, привлекательная, с ребенком...

– Найдем, раз привлекательная, – заверил Прокофий. – Следуйте за мной. – Он прокладывал нам путь. Его огромные сапожищи ступали между узлов, между колен спящих с предельной осторожностью. Только слышалось изысканно вежливое, почти заискивающее: «Извиняюсь, мамаша, чуть-чуть вас потревожу...», «Простите, товарищ, возьмите чемоданчик на руки на секунду...», «Уберите, бабуся, драгоценности, не раздавить бы...», «Посторонись, детка, вот сюда, к стенке...», «Ах, какие глазки! С такими глазками, да в такую глубину! Поэтому так темно наверху стало...»

– Стойте, ефрейтор! – крикнул Браслетов. – Вон она!

На топчане под клетчатым байковым одеялом плоско, бестелесно лежала женщина; голова запрокинута, виднелся лишь остренький подбородок и черные волосы, рассыпанные по маленькой подушке. Она, видимо, спала, на руке у нее покоилась головка ребенка в белой шапочке.

– Соня, – тихо позвал Браслетов.

Он пробрался к ней и сел на краешек топчана. Затем легонько притронулся к ее колену и опять позвал. Она, вздрогнув, повернула голову. Усталые веки приоткрыли нижнюю часть глаз, отчего они приобрели странное выражение и странную форму – два темных полумесяца.

– Коля, – произнесла она слабым голосом и без особой радости. – Как ты меня нашел? Тетя Клава сказала? – Он молча кивнул. – Здесь спокойнее. Только тесно. И – точно в склепе... Я все время сплю.

– А Машенька, как она?

– Тоже спит.

– Грудь болит?

– Уже легче...

Он погладил ее колено поверх одеяла и жалостливо прошептал:

– Бедненькая моя, брошенная, несчастная... Одна ты теперь останешься...

– Почему одна? Вон сколько людей... Не стони, – попросила она мягко.

Браслетов, вспомнив о нас, оглянулся и развел руками, как бы извиняясь за то, что не может принять своих друзей как следует и знакомство с женой происходит в неподходящей обстановке.

– Соня, я не один. Тебя пришли навестить капитан Ракитин, командир нашего батальона, и ефрейтор Чертыханов. Очень хорошие люди. Вот они...

Женщина приподнялась на локте, бескровные губы раздвинулись в улыбке, она кивнула. Чертыханов размашисто кинул руку за ухо, крикнул так, что все находящиеся рядом с испугом оглянулись:

– Здравия желаю! – И, не зная, что еще сказать, прибавил наугад: – Если в чем нуждается, скажите – мигом все доставим.

Усталые веки ее приподнялись, распахнув глаза, излишне большие на этом юном и тонком лице.

– Спасибо, – прошептала она, смущенная тем, что обращает на себя внимание. – Мне ничего не нужно...

– Она у меня скромница, – добавил Браслетов польщенно и тут же прошептал жене: – Может быть, и в самом деле тебе принести что-нибудь?

– Я же сказала, что у меня все есть.

– Да, да, – поспешно согласился он. – Это я так, на всякий случай...

В это время по всему подземелью внезапным порывом вихря пронесся ропот, глухой стук. Люди начали вскакивать со своих мест. Они, замерев, заколдованно смотрели себе под ноги. По цементному полу, омывая ножки топчанов, текла вода. Я заметил, как глаза людей наливались темной жутью, лица дичали, все более теряя осмысленное выражение. Женский, сверлящий душу крик раздробил спрессованную томительную тишину, ударил по натянутым нервам.

– Вода! Спасайтесь! Люди добрые!

В другом конце помещения мужской голос надсадно рявкнул:

– Метро взорвали! Реку прорвало!

Точно всесильная волна смыла людей с топчанов, со скамеек, с чемоданов и потащила к выходу. Слышались редкие вскрики, старушечьи стоны, робкие призывы о помощи и детский плач. Люди вскакивали на топчаны, срывались и падали, опрокидывая их...

Браслетов метался, не зная, что предпринять, как уберечь жену и дочку от опасности.

– Вставай, Сонечка, спастись надо! – тормошил он жену, руки и губы его дрожали. – Вставай, говорю!

Она встала, тоненькая, испуганная и беспомощная, прижимала к груди ребенка, растерянно смотрела на происходящее; ребенок плакал, но голос его тонул в общем гуле.

Я знаю, что может наделать паника, если ее впустить в свое сердце; она в одно мгновение может превратить человека в животное, она может раздавить, искалечить. Я рванул Браслетова за плечо.

– Оставь ее, отойди! – крикнул я и оттеснил женщину к стене, заслонил спиной. Чертыханов тотчас встал слева от меня. Браслетова я держал за рукав справа. К нам подползла какая-то старушка и вцепилась обеими руками в сапог Чертыханова.

– Милый, сыночек, заслони... – Он отодвинул ее за себя, к стене.

А люди все напирали, лезли, падали.

Вход был наглухо закупорен образовавшейся пробкой, отчаянной, непробивной.

Мимо нас, прорубая себе дорогу локтями, кулаками, коленями, пер здоровенный детина в расстегнутом драповом пальто, мордастый, с железным, навечно спрессованным ежиком волос, с черными дырами вместо глаз – шагал через топчаны, по ногам, по чемоданам, по спинам.

– Немцы тоннель взорвали! – дико орал он, ничего не видя перед собой. – Зальет все! Ловушку устроили!

Я узнал этого человека по железному ежику и по дырам вместо глаз – это он пытался резать овцу.

– Прокофий, дай ему в морду! – крикнул я, указывая на орущего мужчину. – Скорей!

Чертыханов отделился от стены – рука его будто вдвое удлинилась, – схватил мужчину за отворот пальто и ударил кулаком в лицо. Мужчина захлебнулся, непонимающе уставился на Прокофия.

– Заткни глотку, зверь, – сказал Чертыханов и ударил его еще раз. Тот сел и – от внезапности, от растерянности, от удара – очумело замигал.

Красноармеец с подвязанной рукой – видимо, раненый – размахивал костылем и кричал: – Стойте, товарищи! Стойте! Остановитесь!..

Я выхватил из кобуры пистолет и выстрелил вверх. Вслед за мной Чертыханов, сняв с плеча автомат, дал очередь. Брызнула с потолка цементная крошка. Толпа на какую-то секунду смолкла и застыла. И тогда Прокофий крикнул:

– Что вы делаете?! Сами себя убиваете! Тоннель не взорван! Воды нет! Потопа не ожидается!

Люди, оглянувшись, увидели стоящего на топчане вооруженного красноармейца. Исподволь, как бы издавдала к ним стало возвращаться сознание.

– Ребятишки бегали за водой и краны не закрыли, – громко объяснил Прокофий. – Вон она течет! Смотрите!

Из кранов с шипением хлестала вода, медленно растекалась по полу. Люди оцепенело, заворуженно смотрели, как течет вода, и ни один не сдвинулся, чтобы остановить ее, – страх парализовал волю. И тогда маленькая девочка в красных лыжных штанах, приподняв носки, на каблучках, чтобы не зачерпнуть в туюфельки воды, прошла по луже и закрыла оба крана. Она внимательно посмотрела на людей и улыбунулась...

Послышались тихие стоны, надсадно плакал ребенок – так плачут дети от боли...

Сверху спустились санитары с носилками. Они уносили пострадавших... Люди возвращались на свои места, несчастные и потерянные от сознания своей слабости, от необходимости скрываться под землей, оберегая жизнь. Искали и разбирали свои вещи, утешали ребяташек, ошупывая их, не ушиблись ли...

Нам надо было уходить, и я сказал об этом Браслетову. Он едва-едва овладевал собой, пряча от нас глаза и старательно вытирая платком вспотевший лоб.

– Спасибо вам, капитан, – проговорил он тихо. – Если бы не вы, я, наверное, лишился бы жены. Нервы подводят, черт бы их побрал!..

Жена его сидела на топчане, покачивала на руках дочку. Паника, видимо, потрясла ее: она едва дышала, измученная до отчаяния.

– Нам придется скоро выступать, Сонечка, – негромко, как бы по секрету сказал Браслетов. – Может случиться, что мы расстанемся надолго... Как ты справишься тут одна, без меня?.. Ума не приложу, как тебе помочь...

Женщина распрямилась, глаза ее округлились, рот сжался, а ноздри затрепетали. В ней вдруг проглянула душа стойкая и гордая.

– Зачем ты ноешь? – сказала она окрепшим голосом. – Что ты все причитаешь? Не нужна нам твоя особая помощь. Мы будем жить, как все. Запомни только, Коля: нам будет намного легче жить, если мы, я и Машенька, будем знать, что ты выполняешь свой долг честно, как мужчина. – Она глубоко и трудно вздохнула, уронив взгляд, щеки заалели – должно быть, стыдилась высказывать мужу горькие слова при посторонних. Потом она добавила более мягко: – Не тревожься за нас, Коля. Мы не пропадем. Мы выживем, честное слово. – Она обязана была приободрить мужа на прощание.

Уходя, я пожал ей руку, маленькую и сильную.

– Мы вас подождем у выхода, – сказал я Браслетову. – Не задерживайтесь.

На Таганскую площадь мы возвращались почти бегом. По мосту ветер проносился со свистом, как бритвой резал глаза. Браслетов, замкнутый и разозленный, шагал, чуть подавшись

вперед, подняв воротник шинели. Прокофий следовал сзади него, часто и рывком встряхивая автомат за плечом.

Возле каждого дома стояли молчаливые женщины, вышедшие на ночное дежурство.

А ветер мел, кружил в воздухе черные хлопья сгоревших, когда-то нужных книг.

9

Мы вернулись в батальон к семи часам. Было темно и сыро, ветер приносил реденькие дождевые капли, беспорядочно рассеивал их, и булыжная мостовая на Большой Коммунистической улице отсвечивала, как чешуйчатый бок огромной рыбы. Сырость проникала под шинель. Даже Чертыханов примолк – посещение метро произвело на него тяжкое впечатление...

Лейтенант Тропинин встретил нас на улице. У ворот стоял грузовик, а сзади него – черная эмка.

– Вас ждет майор Самарин, – доложил Тропинин; лучик карманного фонаря на секунду скользнул по моему лицу, по глазам. – Что-нибудь случилось, товарищ капитан? Я еще не видел вас в таком настроении...

– Все в порядке, лейтенант, – сказал я. – Веселый человек сейчас не иначе как сумасшедший...

Чуть заикаясь от волнения, Браслетов спросил:

– По какому вопросу прибыл майор?

– Он мне не докладывал, – ответил Тропинин, направляясь в ворота и не оборачиваясь. Браслетов испуганно замедлил шаги.

В штабе у стола сидел майор Самарин в шинели, но без фуражки, рассматривал карту, поблескивая стеклышками пенсне. Он устало поднялся нам навстречу.

– Хорошо, что вы быстро вернулись. Для вас есть срочное задание, капитан.

– Я слушаю.

– Отберите группу надежных ребят, садитесь в машину и поезжайте по направлению на Подольск, затем на Малоярославец. Проверьте лично: заминированы ли мосты, железнодорожные переезды, виадуки и готово ли все к взрыву. И вообще посмотрите, что делается на дорогах. На каком расстоянии от Москвы находится противник. Генералу Сергееву необходима точная информация. К двадцати четырем часам вы обязаны быть здесь. Я буду звонить. Выполняйте незамедлительно.

Лейтенант Тропинин незаметно вышел из штаба отбирать «надежных ребят». И когда я провожал майора до машины, они уже весело взбирались в кузов грузовика – наступила пора действий.

Я вскочил на подножку, обернулся к комиссару, стоявшему поодаль на тротуаре, безмолвному и безучастному. Должно быть, прощальный разговор с женой озадачил его, и, возможно, – бывает так – он увидел ее такой твердой и резкой впервые, она как бы повзрослела, выросла у него на глазах.

– Из батальона никого не отпускать, всем быть наготове, – сказал я Браслетову.

Машина рванулась с места. И через несколько минут мы уже выбрались из огромного, окутанного мглой, затаившегося во тьме города. На шоссе темнота перед нами сдвинулась плотнее – встала глухой стеной, и шофер, гоня машину, чутьем угадывал дорогу...

Мосты и переезды, где мы останавливались, были заминированы, возле них дежурили красноармейцы, готовые при возможном приближении противника в любую минуту поднять все это в воздух.

Мы обогнали две или три роты на марше, направлявшиеся к фронту, конный обоз, колонну грузовиков, стоящую на обочине, и десятка полтора неторопливо и осторожно про-

двигающихся танков. Навстречу с грохотом проносились грузовики – за боеприпасами, с ранеными, по мирнейшим фронтовым нуждам, подхлестывали себя и впереди идущих дребезжащими от нетерпения, яростными гудками.

В Подольске мы свернули вправо, в сторону Малоярославца, долго охали, не встретив ни подводы, ни машины, ни даже человека. Было странно ехать в этой тишине, где словно вымерло все живое.

Возле речки Тисуль, на спуске, нас задержали. Внизу на мосту и по обеим сторонам от него – вдоль берега, – копошились люди. Изредка то в одном, то в другом месте вспыхивал огонек карманного фонаря и тотчас гас. К нам из-под горы подбежал, шурша сырой плащ-палаткой, надетой поверх ватника, военный.

– Кто такие? – открывая дверцу кабины, спросил он как бы тоже отсыревшим, сиплым голосом. Это был командир саперной роты. Я объяснил. И он тут же обиженно пожаловался: приказ о минировании переправы через реку Тисуль и ее берегов получен в самый последний момент, и приходится все делать в темноте, наспех, с риском для жизни; уже подорвался один сапер и один боец из отступающих: отступающие прут без разбора, волнами, разве их удержишь горсткой саперов?

В это время слева от мостика гулко хлестнула мина и раздался короткий, предсмертно пронзительный крик. Затем прозвучал выстрел.

– Вот опять, – простонал командир роты. – Еще один взлетел. Прямо беда!..

Вывернулся из темноты запыхавшийся, перепуганный сапер, крикнул дрожащим голосом:

– Боец подорвался, товарищ лейтенант. Опять целая толпа накатила. Я их гоню на мост, а они прямиком – в воду и на тот берег, в лес...

– Видите? – проговорил командир роты.

Я приказал лейтенанту Кащанову взять бойцов и расставить их вдоль берега: если не удастся остановить отходящих, то хотя бы направить их на мост.

Красноармейцы выпрыгивали из кузова, бежали под гору, пропадая во тьме за рекой.

Мимо нашей машины безмолвными тенями замелькали группы отступающих.

Я остановил одного бойца. Чертыханов осветил его лицо с прижмуренными от яркого света глазами. На мой вопрос – кто такой? – он ответил:

– Старший сержант Козырьков.

– Почему бежишь?

Ответ прозвучал спокойно:

– Я не бегу, я иду. Все идут, и я иду.

– А почему все идут?

– Так ведь немец жмет, сил никаких нет. Командир батальона убит, комиссар ранен, на носилках несут. Боеприпасов не осталось. Ну и... Один пошел, за ним второй, третий... И тронулись.

– И вам не стыдно?

– Когда страшно, то всегда немного стыдно.

– И далеко вы уходите?

– А до нового рубежа. Вот страх пройдет – и остановимся. Патронов подвезут, гранат...

Внезапно выметнулась из-за поворота, направляясь к переправе, автомашина с зажженными фарами. Фары окатили дорогу слепящим светом. Такую роскошь позволяли себе только немцы. Они открыли по переправе пулеметный огонь, должно быть, надеясь захватить мост неповрежденным.

По машине наши бойцы и саперы ударили ответным огнем. Свет фар потух, и на мгновение стало темно до боли в глазах, лишь трассирующие пули пронизывали мрак красными резкими строчками.

Перестрелка длилась минут пять. Красные пунктирные нити оборвались. Машина стала задним ходом удаляться за поворот...

Через некоторое время к мосту подошла колонна наших танков. Я насчитал двенадцать машин. Должно быть, те самые, которые мы обогнали по дороге сюда. Они перебрались на тот берег и двинулись, не останавливаясь, вперед... Кое-кто из отступающих бойцов забирался на броню и уезжал в темноту – заслонять образовавшуюся в обороне брешь...

Мы вернулись в батальон в первом часу ночи. В школе никто не спал. Чувствовалась тревожная настороженность и ожидание чего-то значительного, что должно скоро наступить.

Браслетов бросился ко мне, как только я вошел в штаб.

– Два раза звонил майор Самарин, спрашивая, прибыла ли ваша группа. Видимо, ему очень нужны ваши сведения. Есть хотите? Прокофий, принеси комбату что-нибудь...

Из коридора доносился еле ощутимый, но очень вкусный запах жареного мяса и поджаренного масла.

– Не отказался бы, – ответил я.

Прокофий выбежал из комнаты.

Зазвонил телефон. Браслетов испуганно отшатнулся от стола.

– Вот, началось, – прошептал он одними губами. – Я чувствовал...

Я взял трубку. Вызывал майор Самарин.

– Вернулись? – заговорил он. – Я думал, что-то случилось...

– Все в порядке, товарищ майор, – ответил я. – Разрешите доложить...

– Да. Я слушаю вас.

Я подробно рассказал ему о том, что видел на дороге.

– Танки, говорите? – обрадованно спросил он. – Это хорошо. Очень кстати. Сейчас я запишу и немедленно доложу генералу Сергееву. А вы, в свою очередь, заготовьте письменное донесение на его имя. Я скоро к вам прибуду. Вас, товарищ капитан, прошу никуда не отлучаться. Батальон должен быть готов к выполнению задания.

– Слушаюсь, – ответил я. – Буду вас ждать. Батальон готов выступить в любую минуту. – Положив трубку, я вздохнул с облегчением, прошелся по комнате, расправляя плечи. – Итак, товарищи, сегодняшняя ночь обещает что-то новое в нашей жизни...

В комнате вдруг стало тихо, все замолчали. Слышалась отдаленная пальба зениток по самолетам, в окне тонко вызванивало стекло.

Мы ждали Самарина с возрастающим нетерпением.

Браслетов нервно сплетал и расплетал тонкие пальцы, хрустя суставами; он точно прислушивался к тому, что происходило в его душе. Неожиданно и резко поднялся.

– Пойду к бойцам, – сказал он. В нем как бы просыпалась решимость. – Подготовить надо... Самарин, я полагаю, не для праздной беседы прибудет...

– Идите, – сказал я. – В случае чего позову...

В комнату заглянула Тоня. Она возвращалась из госпиталя и выглядела утомленной, спросила, не зайду ли я домой, к маме.

– Мне приказано не отлучаться.

– Что будет, Митя?

– Не знаю.

Она внимательно посмотрела на меня, затем – коротко – на Тропинина и тихо вышла. Лейтенант Тропинин сказал, что должен проверить часовых и поставить у ворот дежурного красноармейца, и вышел следом за Тоней.

Чертыханов отставил котелок в угол, накрыл его книгой и взял автомат.

– Позвольте, товарищ капитан, я подежурю у ворот сам... Дело серьезное...

Я разрешил... «Ну, вот и конец нашему безделью», – подумал я, оставшись в комнате один и ощущая тревожное и радостное возбуждение, как всегда перед началом важной и опасной операции.

Вбежал Чертыханов, строгий и собранный, и доложил четко:

– Машина у ворот, товарищ капитан. – И сняв с гвоздя шинель, подал мне.

Выходя из помещения, я заметил у входа в полумраке лейтенанта Тропинина и Тоню и услышал, как Тропинин произнес печальным голосом:

– Наверно, не вернусь. Мое предчувствие меня никогда не обманывало.

– Не говорите так, – сказала Тоня. – У меня достаточно горя. Еще и вас оплакивать... Не смейте так говорить!

– Хорошо, не буду...

Майора Самарина я встретил в воротах. Вместе с ним прибыло еще двое: один в гражданской одежде, второй в военной, капитан войск НКВД. Пожимая мне руку, те двое не называли себя. Они стремительно прошли вслед за майором в школу. Я провел их в штабную комнату.

– Пригласите комиссара и начальника штаба, – приказал майор Самариин.

Я кивнул Чертыханову, и тот мгновенно выбежал из комнаты. Человек в штатском не разделся, лишь снял фуражку и пригладил ладонью реденькие, коротко стриженные на вдавленных висках седые волосы; лицо у него было суховатое и бледное, с желтизной, губы тонкие, взгляд небольших глаз беспокойный и проницательный.

Когда Браслетов и Тропинин вошли и представились, человек в штатском приказал:

– Заприте дверь. Садитесь... – Осматривая нас, он медленно переводил взгляд с одного на другого, как бы прощупывал, докапываясь до сердцевины. – Вражеская армия подступила к Москве, – заговорил он четко и сухо. – Нас разделяет последняя оборонительная полоса. Враг рассчитывает взломать ее и ворваться в город. Он не пожалеет для этого ни средств, ни сил. В создавшемся чрезвычайно критическом положении мы, несмотря ни на что, обязаны сохранить хладнокровие и здравый рассудок. С Дальнего Востока и из Сибири подходят свежие силы, эшелон за эшелоном. Мы будем сражаться насмерть. Враг в Москву не пройдет. В связи с создавшимся положением жители Москвы обязаны подчиняться железным законам, которые диктуют нам время и обстоятельства, сохранять строжайший порядок. Уже сейчас в городе замечаются отдельные случаи ограбления касс, магазинов, продовольственных складов, ювелирных мастерских и так далее. Зашевелились долго таившиеся враждебные элементы. Замечается самовольное оставление служебных постов и учреждений. Паника, вызванная приближением вражеских войск, бывает страшнее и опаснее самих вражеских войск. Мы должны пресечь ее в самом зародыше.

Человек в штатском обернулся к капитану войск НКВД. Капитан тотчас развернул на столе карту Москвы. Она была разбита на квадраты, обведенные разноцветными карандашами.

– Смотрите, – сказал штатский, обращаясь ко мне.

Он указал пальцем на обширный район, включающий в себя Красную Пресню, часть Садового кольца от площади Восстания до площади Маяковского, а также кварталы от улицы Герцена по Тверскому бульвару до площади Пушкина, обе Бронные, с примыкающими к ним переулками.

– С этого момента, – продолжал штатский, – и до особого распоряжения вам принадлежит полная власть в указанном мною районе, и вся ответственность за порядок и дисциплину лежит на вас, товарищ капитан. Выдайте капитану Ракитину постановление Государственного Комитета Обороны, подписанное товарищем Сталиным, и удостоверение.

Капитан войск НКВД вынул из портфеля напечатанное типографским способом постановление на одном листочке.

– Ознакомьтесь, – сказал человек в штатском.

Я стал читать. От тех страшных в своей беспощадной силе слов, которые я про себя произносил, у меня дрогнули руки. И человек в штатском, заметив это, негромко стукнул ладонью по столу.

– Будьте стойки, капитан. Война разоблачает карьериста, шкурника, труса и паникера. Никакой пощады паникерам, лазутчикам, грабителям и подстрекателям к беспорядкам. Вам ясна задача, товарищ капитан?

– Так точно, ясна, товарищ... – Я не знал ни фамилии, ни звания этого человека. – Задание Государственного Комитета Оборона будет выполнено.

Штатский одобрительно кивнул, но выражение лица, строгое и суховатое, не изменилось. Капитан войск НКВД подсунил мне книгу с разграфленными листами.

– Распишитесь. Вот здесь и вот здесь...

Я расписался.

– Перенесите на свою карту район ваших действий, – сказал майор Самарин. – Постановление прочтите всему батальону, после чего немедленно приступайте к выполнению задания.

– Слушаюсь, – сказал я.

Майор улыбнулся и мягко, но настоятельно попросил:

– Пожалуйста, отличайте обыкновенных граждан от злостных нарушителей порядка. Комиссар, вы меня поняли?

– Так точно, понял! – откликнулся Браслетов, вскакивая.

– О месте вашего нового штаба немедленно сообщите мне, – сказал майор Самарин.

Человек в штатском провел ладонью по узкому усталому лицу, с минуту посидел с закрытыми глазами, затем рывком встал.

– Желаю удачи, капитан, – сказал он резко и двинулся к двери, больше не взглянув на меня; на ходу надел фуражку. – Куда теперь? – вполголоса спросил он у майора.

– В Сокольники, – тихо ответил Самарин.

Я хотел проводить их до машины, но штатский остановил меня.

– Занимайтесь своими делами.

Мы остались втроем. Лейтенант Тропинин, склонившись над картой, изучал район будущих действий.

– Ничего себе миссия... – проворчал он, покачав головой. – Трудно придется, товарищ капитан. Мы едва ли охватим такой район.

Браслетов, распрямившись, сказал спокойно и убежденно:

– При чем тут «едва ли», товарищ лейтенант? Приказано охватить – значит, должны.

– Понятно, товарищ комиссар, – отозвался Тропинин и искоса, с иронией взглянул на расхраб्रившегося Браслетова. – Я думаю, товарищ капитан, штаб батальона следует перевести вот сюда, на Малую Бронную, в помещение Пробырной палаты. Это почти в центре нашего района, и помещение подходящее.

– Помещение хорошее, это верно, – подтвердил Браслетов. – Я его знаю.

Я взглянул на карту и согласился с Тропининым.

– Пусть будет так. На месте решим окончательно. Соберите бойцов в коридоре. Срочно.

Батальон был выстроен в три длинные шеренги. Тусклая лампочка горела в дальнем конце. Я вынул из кармана листок с постановлением Государственного Комитета Оборона. Чертыханов светил мне фонариком. Я стал читать:

– «В целях тылового обеспечения города Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Оборона постановил:

Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение насе-

ления и транспортов должно проходить согласно правилам, утвержденным Московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милиции и добровольческие рабочие отряды.

Нарушителей порядка привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...»

Бойцы внимательно выслушали постановление. Никто не проронил ни слова. Я сказал:

– Батальону приказано охранять спокойствие и порядок в районе Красной Пресни, Тверского бульвара и Садового кольца на отрезке между площадями Восстания и Маяковского, куда батальон немедленно отправляется. Командиры взводов получают инструкции и указания на месте.

По команде лейтенанта Тропинина бойцы, позвякивая оружием и котелками, выбегали во двор, спешно строились для марша.

Глубокой осенней ночью – в час пятнадцать минут – батальон покинул свое пристанище – школу близ Таганской площади.

10

– Пройдем по Бульварному кольцу, – сказал Тропинин, когда мы вышли на площадь. – Этот путь короче и спокойней.

– Ведите, – сказал я.

– А не по Садовому? – Браслетов разочарованно оглянулся: он, вероятно, надеялся, что, проходя по Серпуховской площади, успеет забежать домой. Но вспомнил, что жена в метро, а время уже иное, боевое, и он теперь не принадлежит самому себе, как раньше, махнул рукой. – Впрочем, бульварами даже лучше...

Батальон повзводно строем спустился по Радищевской к Яузским воротам и повернул направо, на бульвар. Миновали Покровские ворота, кинотеатр «Колизей»...

Четыре года я ходил этим путем от Таганки на Чистые пруды в школу киноактеров; она помещалась в здании «Колизея». Мог ли я предполагать тогда, что через несколько месяцев поведу здесь вооруженных людей – наводить порядок в столице, которая вот-вот перейдет на осадное положение?.. Мне показалось, что с того времени прошли не месяцы, а долгие годы. Вода в пруду выглядела черной и застывшей. А совсем недавно здесь раздавалось зазывное бренчание гитар, и мы – я и Нина – катались на пруду в лодке, и ревновали друг друга, и мечтали о совместной жизни, пытались угадать свое будущее... Все это теперь отодвинулось далеко-далеко, откуда его не вернуть.

С деревьев осыпались последние листья, неохотно падали в студеную воду... Где теперь Нина? Ее, как сухой листочек, оторвало от ветвей и унесло грозовым ветром, завертело в вихре, в клубах горького порохового чада...

В небе тяжело раздвинулись тучи. И тотчас медленно и празднично выплыла луна. Свет лился на бульвар, устилая дорожки кружевами теней, и ряды бойцов, идущие впереди нас, то исчезали во мгле тесных аллей, то возникали вновь из темноты в лунном сиянии. Падающие листья холодно и голубовато отсвечивали, как льдинки.

Мы пересекли улицу Кирова и вступили в новый бульвар. Здесь было совсем темно – тучи сомкнулись.

Браслетов шел рядом со мной.

– Как вы думаете, капитан, – спросил он, – долго нам придется решать эту задачу?

– Вы же слышали: до особого распоряжения. Что вас тревожит?

– Да так... – Он шел легкой походкой, глядя перед собой в глубину аллеи, где двигался батальон. – Интересно: был батальон как батальон. Боевая единица, а теперь блюстители порядка. Вместо войны – свои против своих...

– Если «свои» против нас, то они уже не свои, – сказал я кратко.

– Ну а потом? – спросил Браслетов. – Куда нас пошлют потом? Как вы думаете?

Я ответил, скрывая раздражение:

– Если немцы прорвутся в город, будем сражаться в городе. Если потребуемся на фронте, пошлют на фронт.

Браслетов приостановился.

– Вы все-таки думаете, что немцы войдут в Москву?

– Я думаю о том, как лучше выполнить порученное нам задание, – ответил я.

Он как будто не заметил моего раздражения, неотвязно допытывался:

– Но если мы батальон охраны внутреннего порядка, то зачем же нас посылать на фронт, не понимаю?

– Воевать!

Браслетов отшатнулся от меня.

– Что вы кричите?

– Ефрейтор Чертыханов, пройдите вперед, – сказал я Прокофию.

– Слушаюсь! – Чертыханов протрусил под горку, догоняя колонну.

Я обернулся к Браслетову:

– Я кричу, потому что мне надоели ваши вопросы!

Браслетов приостановился, огорченно, с недоумением пожал плечами.

– Что тут такого?.. – промолвил он невнятно. – Я не один, у меня семья, и я хочу знать, что нас ждет впереди. Это вполне законно.

– Смерть от вражеской пули – вот что нас ждет впереди! – крикнул я. – Это вас устраивает? Над вашей трусостью смеются все бойцы. Вы совсем забыли, что вы комиссар. Вы отдадите себе отчет в том, какое это звание и к чему оно обязывает? Комиссар! Вы думаете, я не хочу жить? Чертыханов не хочет жить? Тропинин, Петя Куделин, Мартынов? Они хотят жить, может быть, сильнее, чем вы. Жена приказала вам мужественно выполнять свой воинский долг. Выполняйте!

Браслетов закрыл ладонью глаза.

– Вы правы, – прошептал он. – Вы совершенно правы. Я должен сделать над собой усилие...

Он рывком отделился от дерева, надвинул на брови фуражку и зашагал впереди меня. Я с тоской и сожалением вспомнил политрука Щукина – как мне его недоставало! Щукин, как и Браслетов, был учителем и военным стал, как и Браслетов, в силу необходимости. Но какая между ними была разница! Тот был соратник, товарищ, воин...

Мы догнали батальон, когда он пересекал Трубную площадь. Стук сапог отдавался разнбойно и гулко. Уныло доносились раскаты отдаленных взрывов. Площадь была загорожена стальными противотанковыми ежами, выходы на бульвары заставлены баррикадами. Здесь батальон был на некоторое время задержан патрулями: у нас проверили документы и пропустили... Мы поднялись бульварами вверх, миновали Пушкинскую площадь, прошли по Большой Бронной и завернули направо, на Малую Бронную.

Тропинин остановил колонну перед зданием Пробырной палаты. Вбежав по ступеням, он постучал в массивную дверь. Отчетливо и трескуче разнеслись удары по пустынному ущелью улицы. Постучал еще раз... Никто не отозвался.

– Что будем делать, товарищ капитан? – спросил Тропинин. – У кого ключи – неизвестно.

– Если надо, взломаем двери, – ответил за меня Браслетов.

– Двери крепкие, дубовые, и сломать их нелегко, – сказал я. – Да и не следует. Надо поискать дворника.

Чертыханов обежал соседние дворы и вернулся разозленный.

– Черта с два найдешь теперь дворников! – проворчал он. – Позвольте, я торкнулся, товарищ лейтенант.

Он бухнул в дверь прикладом автомата. Потом еще раз, посильнее. Удары гремели где-то в глубине помещения. Бойцы развеселились. Из рядов неслись ободряющие, насмешливые подсказки.

– Эй, Чертыхан! – кричали ему. – Топор дать?

– Бревно притащим и тараном высадим дверь!

– Лучше прикатить осадную пушку!

– Рвани лимонку для начала, и все тут!

– Тихо, вы! – Чертыханов приложил ухо к двери и прислушался. – Там кто-то есть. Я так и знал! Нюхом чуял...

Загремел ключ в скважине, и было слышно, как открылась внутренняя дверь.

– Кто тут? – старческим голосом спросили из-за двери.

– Открывайте! – крикнул Чертыханов. – Свои.

– Никого и ничего здесь нету, все уехали, все увезли. Пусто!..

– Нам ничего не надо! – крикнул Чертыханов, нагибаясь к скважине. – Нам нужно войти в помещение. Понятно?

– В помещение? – удивленно переспросил человек за дверью. – Это зачем же? Кто вы такие?

– Бойцы и командиры Красной армии, – отрекомендовался Чертыханов. – Мы по военной надобности. А ты кто такой?

– Сторож я.

– Ну вот и открывай! – Чертыханов от нетерпения повысил голос. – За невыполнение приказа знаешь что бывает?

– Не грози, видали мы таких... – Сторож за дверью колебался: отпирать или стоять на своем. – Сейчас подойду к окошку взгляну, какие вы командиры. В прошлую ночь тоже стучали, и тоже говорили, что командиры, и тоже грозили... – Сторож, ворча, шаркая подошвами, отошел от двери.

Пока Чертыханов вел переговоры со сторожем, мы с Браслетовым прошлись вдоль улицы и заглянули в несколько дворов. В них, как и во дворе на Большой Серпуховской, тоже снаряжались тележки и детские колясочки. И тут дежурили молчаливые женщины, закутанные в платки...

Вдоль улицы тихо прохаживались три девушки в пальтишках, перепоясанных солдатскими ремнями; за ремни были засунуты брезентовые рукавицы, на боку – противогазы. По их беспечно веселому поведению можно было догадаться, что они не сознавали, какая угроза нависла над ними. На мой вопрос, что они тут делают, одна из них, в пилотке со звездочкой, ответила бойко:

– Дежурим на крыше. Спустились погулять. Скучно там...

– Зачем вам такие громадные рукавицы? – спросил Браслетов.

– Для зажигалок, чтобы не обжечь руки, – ответила девушка в пилотке. – Сколько мы их поскидали!.. Не сосчитать... А вы тут расположились? Будем соседями...

Сторож, заглянув в окошко, убедился, должно быть, что столько военных людей с оружием не могут быть грабителями, и отпер дверь. Это был щуплый старикашка с сухоньким, морщинистым лицом, украшенным седыми усами скобкой с прокуренными кончиками; на ногах подшитые шаркающие валенки, на плечи накинут полушубок с отполированными временем лапами.

В небольшом зале сразу сделалось тесно и шумно. Полукругом тянулись загородки – низ деревянный, верх из стекла, с окошечками – как в сберкассах, за ними пустые столы с чернильницами из черной пластмассы. На одном стоял телефонный аппарат. Я поднял трубку – телефон работал – и сейчас же доложил майору Самарину о своем новом местонахождении.

Бойцы, разойдясь по этажу незнакомого помещения, облюбовали для себя несколько комнат, где и расположились. Подниматься выше второго этажа я запретил.

Я собрал командиров взводов. Мы разбили район на три сектора, а каждый сектор на несколько участков. Взводы разделились на группы по пять-шесть человек, для них выделили кварталы для наблюдения и контроля.

– Объясните бойцам, – сказал я, – чтобы они отличали злостных правонарушителей, всяческого рода грабителей, хапуг, бездельников и настоящих агентов фашизма от обыкновенных обывателей, которые поддались панике. Этих не задерживайте, по дороге они одумаются... Оружие применять лишь в самых крайних случаях. Задержанных доставлять сюда. Лейтенант Тропинин, вы осмотрели двор?

– Так точно, – ответил тот. – Двор глухой, одни ворота на запоре, не открываются вовсе...

Я разрешил бойцам отдохнуть часа полтора с таким расчетом, чтобы в четыре тридцать они были на своих участках.

– Может быть, вы тоже отдохнете, товарищ капитан? – спросил меня Чертыханов.

– Нет. Не могу. Нельзя.

Я долго рассматривал карту, знакомые улицы, переулки, площади, которые для меня приобретали сейчас иной, непривычный смысл.

11

Рассвет над Москвой занимался медленно, неохотно, точно ему мучительно трудно было начинать новый день, полный забот, несчастий, горестных раздумий, смертей и слез. Опять земля вокруг города забьется в огне и судорогах от бомбовых ударов, опять, подбираясь к окраинам, сминая юные, беззащитные березки, рванутся вражеские танки и молодой боец – москвич или сибиряк – встанет им навстречу. Лютая ненависть, жажда жизни толкнут его вперед, и он взлетит вместе с железной рычащей горой, и захлебнется кровью сердце матери в этот миг. Поднимутся ввысь самолеты с черно-желтыми крестами на плоскостях, кружась над городом, выслеживая цели, и бомбы сожгут любовно свитые гнезда, и страх и смерть погонят отчаявшихся людей по улицам и дорогам в поисках спасения... Тяжело и мрачно занимался осенний день – четверг 16 октября 1941 года...

В восточной стороне серая полоса над крышами светлела, лениво расплываясь по небу зеленой лужей. Сквозь неяркую зелень скудно просачивались розоватые зоревые краски. Внизу, в теснине улиц, ночная вязкая мгла держалась еще долго; блеклый, нищенски бедный на цвета рассвет, с трудом одолевая ее, обозначил робкое, чуть заметное движение людей.

Из ворот осторожно выкатывались тележки и коляски. Их подталкивали люди – по двое, по четверо, целыми семьями. Они выезжали из переулков на главную магистраль – Садовое кольцо – и двигались к вокзалам, к шоссе, ведущим из города на восток, одетые и оснащенные для дальней дороги, в неизвестность...

Утром в штаб батальона были доставлены первые задержанные. Петя Куделин выдвинул винтовкой к стеклянной перегородке высокого, плечистого парня, обсыпанного с головы до ног чем-то белым; волосы его, брови, ресницы казались седыми. Парень нагнулся, заглянул в окошечко, и я увидел его широкий подбородок, ошетиленный жесткими, давно не бритыми волосами.

– Товарищ капитан, – доложил Петя Куделин торопливо, неустойчивым от волнения голосом, – этот гражданин вместе с другими такими же взломал дверь в магазине на улице

Красная Пресня. Я сам видел, как он ломом срывал замок. А потом вышел из магазина с мешком муки на горбу. Тут мы его и схватили... Толпу мы разогнали, магазин снова заперли, у двери я оставил бойца для охраны. – И добавил тише: – Маленько постреляли вверх, товарищ капитан. Для острстки...

Я утаил улыбку: Пете наверняка захотелось пострелять не столько по необходимости, сколько от нетерпеливого желания «пальнуть».

– Хорошо, Петя, молодец! – похвалил я.

– Разрешите идти?

– Иди. Не очень нажимай на стрельбу... Понял?

– Понял, товарищ капитан, – ответил он. – Что делается на улице! Вы бы взглянули...

Куделин убежал к своей группе... Разговаривать через окошечко было неудобно, и я вышел из-за стеклянной загородки в зал. Задержанный парень отряхивался, сбивая с рукавов, с плеч синего бостонского костюма мучную пыль.

– Почему не на фронте? – спросил я, глядя в его густо припудренное мукой небритое лицо.

– У меня бронь, – ответил он хмуро.

– Почему же не на работе?

– Я три недели вкалывал без выходных, и вот дали.

– Где вы работаете?

Парень помедлил, исподлобья глядя на меня.

– На заводе... имени Карла Либкнехта.

– Но ведь завод эвакуирован, – сказал я наугад, не зная, есть ли такой завод вообще.

– Я был болен, – пролепетал задержанный невнятно. – Скоро должен уехать...

Я понял, что он врет.

– Вам дали выходной для того, чтобы вы взламывали магазин? Войска на фронте истекают кровью, а вы здесь бесчинствуете и других подбиваете.

– Люди сами сбежались... Все равно немцам все достанется...

Я почувствовал, как от лица у меня отлила кровь. Я мог застрелить его тут же!.. Усилием воли я подавил в себе ярость, отвернулся и сказал как можно спокойнее:

– Часовой, проведите гражданина во двор.

Прокофий Чертыханов все это время разговаривал с тщедушным человечком в длинном, почти до пят пальто.

Сквозь пальто проступали лопатки на сгорбленной спине; лысоватая голова не покрыта – шапку мят в руках, над ушами седыми клоками торчали волосы, впалые щеки перечеркнуты морщинами, и весь он напоминал старого раскрывшегося грача. В углу были свалены его чемоданы. Человечек в чем-то убеждал Прокофия, сильно размахивая руками. Я слышал, как Чертыханов, нагнувшись к нему, спросил:

– Сколько дадите?

Задержанный приподнял палец и ответил таинственным голосом:

– О! Столько, что вы всю жизнь можете потом только прирабатывать, но не работать...

Чертыханов восторженно свистнул, хитро подмигнул старику и зацокал языком от соблазнительного будущего.

– Благодать-то какая! Не работать... Как жаль, что не я здесь начальник. – Он кивнул на меня. – Вот кому предложите...

– А вы шепните ему, – попросил старик. – Он не просчитается.

– Одну минуту, сейчас шепну. – Чертыханов приблизился ко мне и сказал: – Товарищ капитан, взгляните на себя в зеркало: вы совсем позеленели. Разве можно доводить себя до таких крайностей? Теперь они один за другим пойдут – где вы напасетесь нервов на всех...

– Обидно, Прокофий, – сказал я. – Помнишь, как мы под настилом в грязи валялись, а по настилу, по нашим спинам, разгуливали немецкие солдаты, проезжали повозки? Ради чего мы лежали там, ну ради чего?

– Что было, то прошло, – сказал Прокофий. – А мы живы... Вот и еще один. – Чертыханов указал на человечка с седыми клоками над ушами. – И на него нервы надо? Как бы не так!.. Эй, гражданин! – позвал он. – Подойдите к капитану.

Старик, взмахнув длинными полами пальто, словно крыльями, подбежал ко мне и выжидательно заглянул в лицо.

– За что его забрали? – спросил я.

– За чемоданы. – Чертыханов кивнул на горку чемоданов в углу.

– Что в них?

– Шут их знает. – Подойдя к чемоданам, он взял верхний, кинул его на стол и хотел открыть. Старик положил на крышку руку с ревматически скрюченными пальцами и многозначительно посмотрел на Прокофия.

– Вы предупредили капитана?

– Все в порядке, гражданин...

– Кто вы такой? – спросил я у задержанного.

– Кто я такой? – воскликнул он и покрутил лысоватой головой. – Наверное, не фашистский агент и не шпион! Обыкновенный часовщик. Вы видите мою спину? Я никогда не разгибал ее – сижу у рабочего стола и стараюсь, чтобы у всех людей было точное время...

Чертыханов раскрыл чемодан, и я сощурился от внезапного яркого блеска. Вначале мне показалось, что чемодан доверху набит скрученной медной проволокой. Но, приглядевшись внимательнее, я различил нечто иное: золотую оправу для очков.

– Откуда это у вас? Вы же часовых дел мастер!

Человечек с неподдельным удивлением пожал плечами.

– Вы меня спрашиваете серьезно? Так я вам отвечу: это не мой чемодан. И я совершенно не понимаю, кому понадобилось это утильсырье! Такое время... – Он отвернулся брезгливо и демонстративно.

Второй чемодан был заперт.

– Дайте ключ, – попросил я у владельца чемоданов.

– Откуда у меня ключи? – спросил он все с тем же оттенком брезгливости и безразличия. – Может быть, и тут такое же барахло, а мне отвечать.

– Взломайте, – сказал я.

Никогда в своей жизни я не видел в одной куче, вблизи, столько золота и драгоценностей, читал лишь в сказках и видел в кино: в тайных пещерах разбойников и в царских кладовых хранились такие сокровища. Тут были браслеты с камнями, названий которых я не знал, золотые кубки, блюда, золотые монеты царской чеканки с профилем Николая Второго, небольшие золотые слитки, статуэтки – толстенький кудрявый ангелочек, стреляющий из лука, и золотой козлик с острыми рогами, оправленный в золото веер из тонких зеленых пластин. Сквозь золотую желтизну проглядывали, то жарко вспыхивая, то мягко зеленея, то искрясь, дорогие камни...

Все, кто был в тот момент в помещении, вплоть до часового, окружили стол, заахали, пораженные сказочным зрелищем: они, как и я, впервые видели золото в таком обилии...

Лейтенант Тропинин заглянул через головы бойцов в чемодан и произнес со сдержанной иронией:

– Как это вам, гражданин, удалось собрать такой ворох добра? С виду вы непохожи на Остапа Бендера. До чего ж обманчива внешность!

Маленький человечек презрительным взглядом окинул чемодан с золотом.

– Да, здесь более ценные вещи, чем те проволоочки для очков. Тоже мне, богатство – оправа для очков! Польстились! Но при чем тут я? Я и сам впервые вижу столько всего в одном паршивом чемодане. Идиоты! Не могли рассовать по частям. По карманам. – Он подергал меня за рукав. – Ну не идиоты, а?..

– Идиоты, – согласился я.

В двух остальных чемоданах были упакованы малахитовые плитки, отрезы парчи, шелка и черно-бурые лисы. Отрезы были переложены бумажными американскими долларами.

– Ну не идиоты? – сокрушался старик искренне. – Положили доллары в чемодан, как старые газеты. Как будто нельзя было сунуть в карман или спрятать в бюстгальтер!..

– А говорили, что вы не агент, – сказал я, оглядев задержанного. – Кто же вы после этого? Стране не хватает средств на производство танков, самолетов для армии, а вы пытаетесь скрыться с таким богатством. Выходит, вы – хотите этого или не хотите – помогаете фашистам захватить Москву.

Старик возмущенно взмахнул руками.

– Послушайте, товарищи, что он говорит, какие смешные слова! Это я, старый рабочий человек, сильно обожаю Гитлера и его фашистскую свору! Я ему помогаю!.. – Он опять подергал меня за рукав и понизил голос: – Когда вы будете составлять ваши бумаги, не забудьте записать, что я от всего этого отказываюсь. Это не мое.

– Во двор, – распорядился Тропинин, и Чертыханов, как старый приятель, учтиво обернулся к старику:

– Идемте, папаша, провожу. Лично никогда еще не встречал такого богатого человека.

– Бывшего богатого, – с грустной улыбкой поправил его старик.

Привели крикливую женщину в телогрейке и в сапогах, здоровую и краснощекую, с двумя свиными окороками под мышками. Она визгливо кричала, надвигаясь на бойца и топая ногами, грозила. Тропинин отправил ее во двор.

Я написал донесение о первых шагах нашей деятельности, об отобранном золоте и драгоценностях и со связным мотоциклистом послал майору Самарину. Не прошло и часа, как к нашему штабу подкатила легковая машина. Из нее вместе с Самариным вышли двое военных и один гражданский. Они осмотрели ценности, опечатали чемоданы и, поблагодарив меня, точно это был мой подарок, за ценный и своевременный вклад в государственную казну, уехали.

– Помощь нужна? – спросил майор Самарин перед уходом.

– Пока справляемся.

Вернулся с обхода комиссар Браслетов. Он привел с собой двух субъектов с одичалыми глазами. Один из них оказался директором хлебопекарни; он, составив себе командировку, пытался бежать, нагрузив автомашину продовольствием и ценными вещами. Второй – кассир с завода; этот, получив в банке деньги для выдачи зарплаты рабочим, присвоил их себе и намеревался скрыться.

– У меня все документы в порядке! Вот они! – Директор, человек лет сорока, в пальто с каракулевым воротником, в светло-желтых полуботинках и новеньких калошах, рыхлый, с одутловатым лицом, возмущался и кричал, багровея от натуги: – Пропуск на машину есть! Что вам еще нужно? Это самоуправство!

– Документы у вас в порядке, это верно, – сказал Браслетов. – И пропуск есть. А совесть ваша не в порядке. Документы останутся у нас, мы проверим, кто разрешил вам бросить производство в такой момент. А машину вашу и продовольствие используем для нужд армии. Проводите бывшего директора хлебопекарни туда, где ему и положено быть. – Директора увели во двор. – А вы, – обратился Браслетов к кассиру, высокому, с длинной верблюжьей шеей и выступающим на ней кадыком человеку, – вы пойдете на завод – вас отведут туда под конвоем – и, как положено, выдадите рабочим зарплату.

– Будет сделано, как велите, – поспешно и с готовностью отозвался кассир.

– Он пойдет со мной, – сказал я. – Товарищ комиссар, – спросил я у Браслетова, – вы не будете возражать, если я на некоторое время отлучусь – хочу взглянуть, что происходит в городе?

– Обязательно посмотрите, капитан, – отозвался Браслетов. – Это нужно видеть.

– Я с вами, – сказал лейтенант Тропинин. – Из взвода Кашанова нет донесений.

Кроме Чертыханова, я взял с собой сержанта Мартынова, которому приказал следить за кассиром, и вышел из штаба.

12

Великое очищение переживала в этот день столица. Точно грозовым и живительным ветром продувало ее. На Садовом кольце развернулась перед нами картина бегства – бегства трусов, шкурников и отчаявшихся, напуганных людей. Наблюдать эту картину было печально и стыдно. Люди двигались молча, в жуткой тишине. Слышались лишь скрип несмазанных колес и нетерпеливые гудки автомобилей. Глухой, как бы подземный, гул колыхал улицу.

Тележки, заваленные узлами, чемоданами, сумками с посудой и кошелками с едой; узлы, перекинутые на перевязях через плечо; коляски, велосипеды, подводы и – люди, люди... Все это двигалось в сторону площади Маяковского.

Среди толпы двигалась косматая, с широченным крупом лошадь. На повозке гора разных вещей: швейная машина, корзинки, полосатые тюки с постелями, корыто, трюмо, картины – все, что попало под руку в момент спешки и беспамятства. А сверху узлов лежала, распластавшись, полная женщина, руками и ногами придерживая плохо связанную поклажу; ветер закинул юбку на спину, открыв для всеобщего обозрения широкие бедра, обтянутые трикотажными рейтузами салатного цвета. Но женщина этого не замечала.

Одна картина свалилась с повозки на мостовую, и стекло треснуло. Ее хозяйка, взглянув на меня, попросила:

– Подайте, пожалуйста...

Я подал ей картину в раме из позолоченного багета – дешевую репродукцию с «Богатырей» Васнецова; древние воины сидели на могучих конях, взирая на необыкновенное зрелище.

Военный грузовик с пушкой на прицепе и с бойцами в кузове на большом ходу буфером задел повозку и опрокинул ее. Послышался треск дерева, звон стекла, скрежет железа и пронзительный женский визг. Вещи – осколками, щепками – рассыпались по мостовой, по ним шагали люди. Куски зеркала отражали низкое, хмурое небо, голубые и студенные просветы между тучами...

Лейтенант Тропинин смотрел на эту процессию с горьким состраданием.

– Знаете, почему они уходят? Думаете, все – трусы? Нет. Они потеряли веру в самих себя. А потерянная или поколебленная вера восстанавливается мучительно трудно. С болью, с душевной драмой...

– Чепуху вы городите, – сказал я. – Народ, потерявший веру в себя, в назначение свое, обречен на гибель. И если бы это было так на самом деле, немцы уже маршировали бы по этой улице. – Я взглянул на Тропинина. – А вы сами, лейтенант, верите?

– При чем тут я? – Он зябко поежился, уклоняясь от ответа.

– А может быть, у Чертыханова спросить? Может быть, он потерял веру?

Тропинин усмехнулся.

– Этот человек, не сомневаюсь, лекцию прочитает. Образцовый советский боец...

Чертыханов задержал трех женщин, уныло толкающих перед собой детскую колясочку, видно, бабушку, дочь и внучку.

– Извиняюсь, тетя, – заговорил он учтиво, обращаясь к самой старшей, а перед молодой даже шаркнул сапогом, – куда вы направляетесь?

– Как куда? Немцы-то у Дорогомиловской заставы, говорят.

– От немцев скрываетесь! – Чертыханов рассмеялся и осуждающе покачал большой лобастой головой. – Извиняюсь за грубость и солдатскую прямоту, но вы дура-баба. Другого определения вам нет. Разве сможете вы убежать от немцев со своей колясочкой? У немца, гражданина, машины, танки, самоходки; куда вы от них скроетесь? Настигнет, как по нотам!.. Ну выйдете вы из города, а дальше что? Ночь наступит, холод, дождь, а у вас внучка, такая хорошенькая куколка... – Прокофий потрепал девочку по щеке. – Что будете делать? Ночевать проситься начнете – чертогов вам там не припасли. И вас не пустят – не вы одни идете, вон какая туча прет!.. На поезд не рассчитывайте – вагоны переполнены, войска перевозят... А на какие средства будете существовать? Не золото небось везете в колясочке-то...

– Да уж какое золото... – Женщина, вздохнув, растерянно посмотрела на Чертыханова, на его лицо, широковатое, с картошистым носом и маленькими, участливо и лукаво сверкающими умными глазами: то ли правду говорит, то ли врет?

– Вот и поворачивайте назад, пока не поздно. Немцы в Москву не пройдут. Это я вам заявляю категорически, как свой своим.

– Не пройдут? – с сомнением спросила женщина и вопросительно взглянула на меня.

– Он не врет, мать, – сказал я.

Сзади женщин приостановилась молодая пара – тоже с колясочкой – и прислушивалась к разговору: жена худенькая, бледная, болезненного вида, муж здоровый, ухоженный, в пальто хорошего покроя, в шляпе, вокруг шеи – мягкий, пушистый зеленый шарф, конец шарфа перекинут через плечо.

Мать девочки, потупившись, тихо произнесла:

– Может быть, вернемся, мама...

Девочка вдруг захныкала:

– Бабушка, я хочу домой!.. – Огромная людская толпа ее, должно быть, пугала.

Чертыханов шагнул к молодой паре.

– А вы, молодой человек? И охота вам лезть в эту свалку, в это позорище? Не стыдно расписываться перед женой в собственном малодушии? Эх, люди!..

Жена сказала несмело, оправдывая мужа:

– У него бронь на руках...

– Себя можно забронировать, – сказал Чертыханов наставительно. – А совесть? Разве совесть забронируешь?

Молодой человек молчал, понутив голову.

Мы отодвинулись, чтобы не смущать их своим присутствием. Но Чертыханов исподтишка следил за ними.

– Смотрите, товарищ капитан! – негромко воскликнул он, дергая меня за локоть. – Повернули! Повернули и уходят... Вот это агитация!

Неожиданно слева донеслись до нас отрывочные выстрелы. Мы с Тропининым переглянулись: что это могло означать?

– Идите в первый взвод, – сказал я Тропинину. – А я пойду взгляну, что там происходит...

– Моя помощь не понадобится? – спросил он.

– Нас вон сколько!

Я оглянулся – позади стояли Чертыханов с автоматом поперек груди и сержант Мартынов, который вел кассира; Прокофий нес увесистый портфель с деньгами... Мы направились вдоль улицы в сторону Спиридоновки.

В узком проезде между баррикад бойцы группы Пети Куделина задержали легковую машину. Вокруг нее бурлила толпа, в которой уже суетился милиционер. Рядом стоял седой, изысканно одетый человек – хозяин задержанного автомобиля. Впереди, рядом с шофером, сидела молодая женщина в пальто из серого каракуля, с девочкой лет пяти на коленях.

– Ты стрелял? – спросил я Куделина.

– Я, товарищ капитан. – Петя кивнул на милиционера. – И он тоже.

– Я же запретил тебе стрелять.

– А что было делать, товарищ капитан? Прут прямо на людей, слов не понимают. – Он указал на седого мужчину.

Милиционер, коренастый толстячок с круглым свежим девичьим лицом, спрятал наган в кобуру и рукавом шинели вытер вспотевший лоб.

– Смотри, какой затор устроил! Черт с ними, пускай выкатываются скорее. – Он с отвращением махнул рукой на машину. – Без них легче дышать будет!.. – Затем указал на проезжую часть улицы. – Вон ведь что делают...

Военные грузовики разворотили край баррикады – мешки с песком разорвались и рассыпались – и по тротуару объезжали легковую машину.

– У них документы в порядке, – пояснил мне милиционер, кивнув на хозяина автомобиля. – Это инженер с завода.

– Извольте. – Инженер, надменно поджав губы, вскинул седую холеную голову, как бы показывая всем свой красивый профиль; черные в мохнатых ресницах глаза сощурились.

Документы были оформлены наспех, подписи сделаны одной рукой, неразборчиво, печать как бы сдвинулась немного, смазалась... Было совершенно очевидно, что главный инженер энского завода самовольно оставил место службы... Я уже в десятый раз повторил один и тот же вопрос:

– Почему уезжаете? На заводе вам нечего делать?

Он едва удостоил ответом:

– Я уже объяснял: завод в основном эвакуирован в Челябинскую область. Его нужно строить заново, и я обязан быть там. – Он говорил отрывисто и высокомерно: было видно, привык командовать людьми.

– Почему же вы направляетесь в Горький? – спросил я.

Главный инженер еще выше вскинул голову. Он врал и заносчивостью своей пытался прикрыть и боязнь за свою судьбу, и растерянность, и тайную надежду на лучший исход.

– Мне необходимо заехать в Горький по делам завода. А вообще отчет давать я вам не обязан. Документы у вас в руках...

– Извините, – сказал я главному инженеру. – Мы вас все-таки задержим. До выяснения всех обстоятельств.

Милиционер взмолился:

– Товарищ капитан, делайте с ним что хотите, только освободите проезд.

Я отвел Куделина в сторонку.

– Этого человека отведите в штаб к комиссару Браслетову. Женщину с ребенком отвезете домой, вещи отдадите, но проверьте, нет ли там чего такого...

– Понимаю, товарищ капитан, – ответил Куделин. – Сделаем как надо.

Главный инженер не протестовал, не возмущался, не кричал, он проследовал впереди Пети Куделина, все так же высокомерно и гордо неся свою седую красивую голову.

13

Кассир – фамилия его была Кондратьев – привел нас к заводу. Это был небольшой заводик в глухом переулке на Красной Пресне. Раньше он выпускал примусы, керогазы и прочие предметы домашнего быта. Теперь здесь собирали автоматы и гранаты-лимонки.

Возле проходной скопилось человек триста, а то и больше, в основном женщины; среди них веселыми стайками – мальчишки. Толпа увеличивалась, словно разбухая, ходила ходуном,

взволнованная, возбужденная. Смысла происходящего я пока не улавливал. Я протолкался в самую гущу, прислушался.

Ворота были закрыты. В проходной стоял человек, немолодой, грузноватый, в синем сатиновом халате, замасленном спереди; седеющая, с залысинками голова не покрыта. Успокаивая людей, он кричал охрипшим, сорванным голосом:

– Товарищи, разойдитесь по-доброму! Не милицию же вызывать... Завод временно закрыт, ни один человек не пройдет!..

Народ заволновался еще больше, слышались злые выкрики:

– Безобразие! Вызывай милицию!

– Директора позови нам!

– Нет директора, – сказал человек в синем халате. – Выехал из города! По важному заданию.

– Позови главного инженера!

– Инженер тоже выехал.

– Давай нам секретаря райкома!

– Где я вам его возьму?

– Позови, вызови, пускай придет! – настаивали люди.

Я спросил у женщины, стоявшей рядом со мной, кто этот человек в сатиновом халате. Оглядев меня, она ответила с жалобным недоумением:

– Начальник цеха, Василий Иванович Сычев... Пришли на работу, а ворота на запоре. Что делается, что делается...

Сычев крикнул охрипшим голосом, обращаясь к работницам:

– Не стойте зря. Завод работать не будет!.. Сейчас вам всем выдадут талоны на муку – получите на складе. И зарплату на месяц вперед. Скоро кассир придет. И расходитесь. Выезжайте из города. Не нынче завтра здесь бои начнутся... Перебьют всех!..

Толпа ахнула и примолкла, пораженная страшным известием. Стоявшая рядом женщина перекрестилась и заплакала. Ребятишки прекратили возню между собой и тоже испуганно уставились на Сычева.

Молодая женщина в вылинявшей синей косынке и стеганке, напористо, властно потеснив ряды, придвинулась вплотную к начальнику цеха; щеки свежие, с ямками, сочный рот приоткрыт в улыбке, глаза серые, лихие, с искрой.

– Не надо нам твоей муки, Василий Иванович! – заявила она громко, с веселым вызовом. – Пеки пироги сам! И денег не надо! Работать хотим! Наши мужики на фронте за Москву бьются, а мы на склад за мукой побежим да из Москвы вон?! Не будет этого, Василий Иванович! Открывай ворота! А то смахнем их одним махом! И тебя вместе с ними!

Сычев отстранил от себя женщину, попросил встревоженно:

– Варвара, не бунтуй. Приказа не знаешь?

– Плевали мы на ваш приказ! – крикнула она и повернулась к собравшимся, как бы приглашая их присоединиться к ее словам. И женщины охотно отозвались, плотнее обступая Сычева.

– Неверный приказ!

– Кто дал такое распоряжение?..

– Позвони в райком, Баканину!

На помощь Сычеву подошла женщина-вахтер в стеганой телогрейке и таких же стеганых ватных брюках, заправленных в мужские сапоги.

– Зря вы, бабы, на него наскакиваете, – заговорила она, глядя на Варвару. – Разве он виноват, разве от него все это зависит?..

– А ты помалкивай! – прикрикнула на нее Варвара. – Без тебя разберемся! Иди в свою будку и сиди...

Я вспомнил москвичей, молчаливой, траурной процессией двигающихся вдоль Садового кольца, и подумал, что, возможно, многие из них вот так же, придя утром к своему заводу, к фабрике и учреждению, увидели их наглухо запертыми, чужими и неприступными, и какие-то люди, вроде Сычева, предложили им вместо работы талоны на муку, зарплату на месяц вперед и попросили покинуть город...

Я подошел к Сычеву. За мной Чертыханов и Мартынов провели Кондратьева.

– Что тут происходит? – спросил я начальника цеха и показал ему мандат Государственного Комитета Оборона. – Кто дал приказ закрыть завод?

– Директор. А ему – свыше. Пойди теперь разберись... – Сычев растерянно пожал плечами. – А я что могу?

– Василий Иванович, вы остались за старшего? – Сычев кивнул непокрытой головой. – Так вот: завод должен работать. Впустите рабочих, они лучше знают, что им сейчас делать. Это хозяева страны. А зарплату, какая им положена, выдайте...

– Кассир в банк поехал, – сказал Сычев. – Еще вчера. Не могу дождаться. – Чертыханов и Мартынов расступились, и Сычев, увидев Кондратьева, воскликнул обеспокоенно и радостно: – Гурьян Савельевич, где ты пропал? Что случилось? Мы уж думали, не угодил ли под бомбежку. Хотели на розыски людей посылать... А ты жив-здоров, оказывается. Деньги привез?

Кондратьев, потупив взгляд, покаянно вздохнул.

– Привез. – Кондратьев покосился на портфель, который по-хозяйски крепко держал в руках Чертыханов.

Сычев тоже взглянул на Прокофия, затем – недоуменно – на меня.

– Как он к вам угодил?

Я объяснил. Сычев, ужасаясь, не веря, отступил от меня, протестуяще махнул рукой.

– Не может быть! Как же так, Гурьян Савельевич!

– Сам не знаю, как вышло...

Сычев сокрушенно покачал головой.

– Ведь не удержи тебя, улизнул бы под шумок-то... Война, мол, все спишет, любую пакость... О людях и забыл небось. А у них – детишки... Вот, объясняйся с рабочими.

– Не казни душу, Василий Иванович, – простонал Кондратьев. – Лучше убей... – Он съезжился, будто стал меньше ростом, и невольно отодвинулся за спину рослого Мартынова.

– Выдавайте-ка его нам, – потребовала Варвара. – Мы с ним расправимся по-своему, он у нас получит все сполна – с премиальными!

Кольцо вокруг нас угрожающе сомкнулось, и Кондратьев прошептал Мартынову умоляюще:

– Заслони, ради бога... – Жалкий, потерянный, он бормотал что-то невнятное, должно быть, читал молитву, готовясь принять расправу.

– Ты чего прячешься за чужую спину, герой! – с издевательской насмешкой пропела Варвара Кондратьеву. – Шкодлив, как кот, а труслив, как заяц! Иди-ка на солнышко! – Она схватила его за ухо и вытащила из-за спины Мартынова. – Ну, посмотри, жулик, кого ты хотел обворовать! – Она беспощадно трепала его за ухо и приговаривала, смеясь и озоруя: – Гляди, падаль, запоминай!.. Ах ты, тихоня! В церковь ходишь, Богу свечки ставишь, поклоны бьешь, а сам чем занимаешься?! Вот тебе, вот!..

Кондратьев болтал головой и что-то мычал от боли и стыда.

– Варвара Филатова его доконает. Это точно. Не баба – огонь, – не то испуганно, не то восхищенно сказал Сычев.

Варвара пригнула голову Кондратьева к самой земле.

– Вставай на колени, жулик, проси прощения.

Кондратьев подогнул дрожащие ноги, промямлил невнятно:

– Простите, люди добрые...

Пожилая женщина с худым, исплаканным лицом, обвязанным шалью, глядела на него и горестно качала головой.

– И как же тебе не стыдно, злодей!.. Тебя за это и в острог посадить впору...

– Нечего ему делать в остроге! – крикнула Варвара с диковатым смешком. – Только место будет занимать! Лучше удавить его! Как, бабы?

Кондратьев, обезумев от страха, шарахнулся к Мартынову, ища защиты. Варвара засмеялась беззлобно и заразительно.

– Куда уполз, крыса!

Я остановил ее.

– Хватит. Не беспокойтесь, он свое получит.

Варвара распрямилась, лихие глаза сощурились вызывающе, ноздри затрепетали, а ямки на тугих щеках заиграли заметнее.

– Пожалел! Глядите на него! – Она ударила ладонью о ладонь. – Руки о такую мразь марать противно!.. – И, подступив ко мне вплотную, заговорила все с тем же веселым вызовом: – Ты мне вот что скажи, товарищ командир: почему одни убегают подальше от немцев, а мы должны торчать в этой темной, прокопченной конуре от зари до зари, даже поесть некогда, на сон – считанные минуты? Нам одним выполнять лозунг «Все для фронта!»? Нам одним собирать автоматы, лимонки и ждать, когда немец накроет нас бомбой или схватит живьем? Почему, я спрашиваю? – Передо мной, перед самым моим лицом как бы метались ее лихие, с золотистыми точками в зрачках глаза. – Они желают сберечь свои драгоценные жизни, а мы стоим у станков. Мы что же, хуже их? Мы что же, второй сорт? Или мы жить не хотим? Или наши мужья не на фронте? Ну?

Женщины и подростки, уже забыв о Кондратьеве, внимательно и нетерпеливо ждали, что я отвечу.

– Убегают главным образом те, для которых собственная жизнь дороже Родины, – сказал я. – Есть и такие, которые, кроме своей шкуры, хотят спасти и награбленные, присвоенные ценности. Они и панику сеют для того, чтобы под шумок улизнуть из города: не так заметно. И там, подальше от фронта, переждать этот страшный для Москвы момент. Пережить его, ни в чем не нуждаясь... Вместе с ними уходят и те, кто невольно поддался панике...

– Почему же их не задерживают? – спросил старик в очках. – Расстреливать на месте, и все тут!

– Вы смогли бы расстрелять, ну, скажем, женщину с ребенком, старуху? А они уходят, тележку с поклажей везут.

Старик недоуменно развел руками.

– Какой из меня стрелок...

– Вот видите... – Я повернулся к Варваре. – Если тебе завидно, что они уходят, собралась бы да следом за ними. Еще не поздно. А ты возле завода бунтуешь, к станку рвешься. Зачем?..

Варвара чуть откинула голову, вглядываясь в меня.

– Ишь чего захотел! Нас насильно отсюда не прогонишь. Нам не только немец – сам черт не страшен!.. Оружие дайте – вот это дело. А то фашист ворвется в цех, чем нам обороняться?

Ее оживленно поддержали подростки:

– Дали бы патронов, автоматы у нас свои...

Чертыханов проворчал хмуро:

– Так вам и дали оружия! Его и на фронте не хватает.

– Оружие вам не понадобится, товарищи, – сказал я. – Немцы в Москву не пройдут!

– Как же не пройдут, если там оружия не хватает! – снова выкрикнул подросток в засаленной кепке.

– А сибиряки уже прибыли или нет? – спросил старик в очках. – Сибиряки немца в Москву не пустят. Это уж точно...

Взвизгнув тормозами, у ворот завода остановилась легковая автомашина. Из нее, хлопнув дверью, стремительно вышел человек в полувоенном костюме, сапогах, гимнастерке, пальто, накинутом на плечи.

– Здравствуйтесь, товарищи! – сказал он, подходя к народу.

– Что же это делается, товарищ Баканин? – раздалось из толпы. – Работать хотим, а нас не пускают...

В это время ворота завода распахнулись, и толпа работниц хлынула во двор.

Баканин, обращаясь ко мне, сказал:

– На третьем заводе такое же положение: народ приходит, а ворота на запоре. Действует вражеская рука. Не иначе. Но рабочие молодцы. Знаете, никакой паники. Только огромная тревога у всех в глазах. – И, повернувшись к шоферу, крикнул: – Сейчас в райком!

14

Мы возвращались на Малую Бронную усталые и голодные. Ранние сумерки окутывали город. В полумгле навстречу нам двигались колонны рабочих коммунистических батальонов, сформированные, быть может, несколько часов назад. Их обгоняли грузовики с бойцами в кузовах, с пушками на прицепе.

Сотрясая мостовые, оглушая лязгом гусениц, двигались танки – на запад, к линии фронта... Пожилой человек с мешком на плече, указывая на танки, уверенно сказал рядом стоящему:

– Новая марка – Т-34. Немцы боятся их пуще огня!..

Студеный ветер вырывался из закоулков, крутил со свистом, взметывая в высоту обрывки газет, листья, хлестал, обжигая по лицу колючей снежной крупой, и Чертыханов прикладывал ладони то к одному уху, то к другому: пилоточка, державшаяся на затылке, не грела.

– Удивляюсь, товарищ капитан, каким я стал чувствительным, – проворчал он, шагая сзади меня. – Понежнел я на войне, честное слово. Бывало, лютый мороз – а мне хоть бы хны: варежки не носил, уши просто горели, точно оладьи на сковородке. В детстве босиком по снегу бегал к соседям: мамку искал... А тут впору шапкой обзаводиться и в валенки залезать. Отчего бы это, товарищ капитан?

– От потери оптимизма, Прокофий, – сказал я.

Чертыханов приостановился.

– Неужели? А ведь это, пожалуй, верно. Тело согревает душа. Если на душе мрак и пепел, то какое от нее тепло? А почему на душе мрак – вот вопрос... Людишки поведением своим действуют на нервы, точно все время нестерпимо болят зубы.

В штабе я зашел за стеклянную перегородку, сел у стола и мгновенно уснул, уткнув лицо в шершавый, пахнувший дождем рукав шинели. Я смутно слышал, как входили, громко и возмущенно разговаривали и грозили: должно быть, красноармейцы приводили новых задержанных, и те шумели, доказывая свою правоту и обвиняя нас в произволе. Требовали вызвать командира... Чертыханов кому-то сказал негромко:

– Дайте человеку поспать.

Я сознавал, что мне надо проснуться – война не отводит времени для сна, – но чувствовал, что не смогу разлепить веки: сладкая тяжесть склеивала их.

Но вот в мой мозг остро, невыносимо больно вонзилось короткое слово «Нина». Возможно, это было другое слово, лишь похожее на то, которое изнуряло, заставляло душу сжиматься и кричать от тоски. Но для меня оно прозвучало отчетливо и почти оглушительно: «Нина!» Я вскинул голову.

В накуренном помещении неярко горели лампы, и люди безмолвно и смутно, как в густом тумане, двигались за стеклянной перегородкой. Мне казалось, что я еще сплю и вижу какой-то странный сон. Чертыханов осторожно встряхнул меня за плечо.

– Товарищ капитан, Нина пришла.

– Нина? – Я смотрел на него испуганно. Знакомое лицо широко улыбалось от радости, щедрости: известил человека о счастье.

– Жена ваша, – произнес он тихо. – Да оглянитесь же сюда!..

Прямо на меня из окошечка, вырезанного в стеклянной перегородке, смотрела Нина – тускло отсвечивающие черные волосы, темные продолговатые глаза, печально сомкнутый рот. Да, это она, Нина, ее лицо, четко впечатанное в темную раму окна.

– Нина, – произнес я беззвучно, одними губами.

Я протянул руку и притронулся к ее лицу, живая ли: щека была нежная и теплая. Нина коснулась губами моих пальцев, и у меня вдруг закружилась голова, помещение сперва накренилось в одну сторону, затем в другую. Я зажмурился, мне подумалось, что я на какой-то миг потерял сознание...

Чертыханов опять толкнул меня в плечо.

– Товарищ капитан!..

Я выбежал в зал. Нина стояла передо мной, похудевшая, усталая, в черном пальто с серым каракулевым воротничком, шапочку держала в опущенной руке. Из немигающих глаз скатывались тихие и редкие капли слез, и я не решался прикоснуться к ней, лишь смотрел на нее, ощущая в груди радостную боль... Потом она улыбнулась и шагнула ко мне. И тогда я обнял ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.